

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**Электронный бюллетень
*ПРАКТИКУМ***

2

Москва, 2019

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ И
МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Электронный бюллетень
ПРАКТИКУМ

2019 - № 2

Москва, 2019

Электронный бюллетень «ПРАКТИКУМ» предлагает читателям подборку научных рефератов и реферативно-аналитических обзоров, подготовленных студентами магистратуры факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках учебного курса «История и методология мирополитических и глобальных исследований».

Проект носит некоммерческий характер.

Научная редакция: Т.В. СКОРОСПЕЛОВА – д-р ист. наук; С.А. ТАТУНЦ – д-р соц. наук, проф.; А.М. ПОНАМАРЕВА – канд. соц. наук.

Электронный бюллетень «ПРАКТИКУМ». МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет мировой политики. – М., 2019. – № 2.

Данный номер включает в себя подборку рефератов по актуальным вопросам международной безопасности; региональным проблемам мировой политики, а также отдельным аспектам информационного обеспечения внешней политики.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ЛОДГААРД С. КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК // Journal for peace and nuclear disarmament. – 2019. – P. 1–18.

А.Д. Дятленко.....5

«БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ» США ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: МОЖЕТ ЛИ РЕАЛИЗМ ЕЕ ОБЪЯСНИТЬ? ДОЛЖЕН ЛИ РЕАЛИЗМ ЕЕ ОПРЕДЕЛЯТЬ? // International relations. – 2018. – Vol. 32, N 1. – P. 3–22.

Р.Р. Калинин.....12

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

БЕЙЕНЕ Э., КХАН А., СЕЙИД АЛИ М. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЭФИОПИЕЙ И СУДАНОМ В КОНТЕКСТЕ ГИДРОПОЛИТИКИ НИЛА // Insight on Africa. – 2018. – Vol. 10, N 2. – P. 150–168.

Д.С. Себекин.....20

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА (МТК) / ВОН Д.В., СУНГ У.Й., КИМ Ч.К., БЭК Ч.Г. // Studies in comprehensive regional strategies. – Sejong Special Autonomous City, KIER (Korea Institute for International Economic Policy), 2015. – Vol. 15, N 7. – P. 14–287. (In Korean).

М. Пак.....28

ЖЕРМЕН Р., ШВАРЦ Г. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВАЛЮТЫ: ПРИМЕР ЮАНЯ // Review of international studies (RIS). – 2017. – P. 1–23.

Л.Ю. Рычкова.....36

КЛАРК М. ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ: ПРИМЕР УЙГУРОВ В СИНЬЦЗЯНЕ // China report. – 2017. – Vol. 53, N 1. – P. 1–25.

Б.А. Аносов.....41

МОХАПАТРА Н.К. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГЕОПОЛИТИКА ИНДИИ, АФГАНИСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА (ИАТУ) // relations. – 2018. – Vol. 22, N 1. – P. 1–27.

Е.А. Карнаухова.....47

ВЕЛИКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЖАКАРТЫ: ГИБРИДНАЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ И НЕФОРМАЛЬНОСТЬ / ХЕРЛАМБАНГ С., ЛЕЙТНЕР Х., ТЮНГ Л.Ю. ШЕППАРД Э., АНГУЕЛОВ Д. // Urban studies – Urban studies journal limited. – 2018. – P. 1–22.

А.А. Лазарев.....58

ОППЕРМАНН К., БИЗЛИ Р., КААРБО Д. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА: ПОТЕРЯТЬ ЕВРОПУ И НАЙТИ НОВУЮ РОЛЬ // International relations. – 2019. – 17 July.

А.А. Вернигора.....63

БИЗЛИ Р.К., КААРБО ДЖ. КАСТИНГ НА РОЛЬ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ-КАНДИДАТА В РАМКАХ РЕФЕРЕНДУМА О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ // European journal of international relations. – L., SAGE: 2017. – Vol. 24, N. 1. – P. 1–25.

К.О. Фоменко.....70

ИВАЛЬДИ Ж. ИСПЫТАНИЕ ЕВРОСОЮЗА В КРИЗИСНЫЕ ВРЕМЕНА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ И ПОЛИТИКА ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА ВО ФРАНЦИИ // Politics. – 2018. – Vol. 38, N 3. – P. 278–294.

Р.Р. Султанов.....75

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

МАКГОНАГАЛ Т. ПОДДЕЛЬНЫЕ НОВОСТИ: ЛОЖНЫЕ СТРАХИ ИЛИ РЕАЛЬНЫЕ ОПАСЕНИЯ? // Netherlands quarterly of human rights. – 2017. – Vol. 35, N 4. – P. 203–209.

Е.В. Терешонкова.....81

ФРЕЙРЕ М.Р. И МЕНДЕС К.А. РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ИМИДЖЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА? // Journal of current Chinese affairs. – 2009. – Vol. 38, N 2. – P. 27–52.

Е.В. Шестопалова.....87

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ЛОДГААРД С. КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК.

LODGAARD S. Arms control and world order // Journal for peace and nuclear disarmament. – 2019. – P. 1–18.

Ключевые слова: мировой порядок; экономическая война; коллективная безопасность; контроль над вооружениями.

В своей статье норвежский ученый-политолог Сверре Лодгаард¹ анализирует современную трансформацию международных отношений и мирового порядка. Он пишет о регрессе мышления в области безопасности, распаде архитектуры контроля над вооружениями и отсутствии консенсуса в отношении базовых предпосылок глобального управления. Пытаясь найти ответ на вопрос о том, каковы перспективы общей политики безопасности, автор обращается к истории международных отношений.

После Второй мировой войны был сформирован новый мировой порядок, в котором в качестве основных руководящих органов выступили ООН и Бреттон-Вудские институты. В 1945 г. был принят Устав ООН, провозгласивший три основных принципа международных отношений: государственный суверенитет, невмешательство во внутренние дела и территориальную целостность. В основу концепции контроля над вооружениями 1960–1961 гг. было положено понимание того, что отношения между великими державами не обязательно должны быть исключительно деструктивными, они также могут строиться на обоюдном желании сторон избежать военного конфликта, минимизировать риски применения оружия и ограничить разрушительные последствия потенциальной войны. Когда в начале 1980-х гг. в центре дискуссий по вопросам международной

¹ Сверре Лодгаард – норвежский ученый-политолог, бывший директор (1992–1996) Института ООН по исследованию проблем разоружения, ведущий научный сотрудник и бывший директор (1997–2007) Норвежского института международных отношений. – *Прим. реф.*

безопасности оказались проблемы, связанные с ядерным оружием, широкое распространение получили принцип многосторонней дипломатии и идея о том, что безопасность не может быть достигнута в одностороннем порядке и должна быть построена совместными усилиями [с. 2].

Эта идея позже легла в основу общей концепции безопасности и была закреплена в официальных документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) и Президентских ядерных инициативах (ПНИ), Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) и новом Договоре о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений 2010 года [с. 3].

Однако со времени подписания СНВ-III, между двумя ведущими ядерными державами переговоры по вопросам общей безопасности больше не проводились. Более того, крупные государства постепенно ослабили сотрудничество по вопросам разоружения в связи с увеличением возложенных на них полномочий и ростом конфликтов интересов. Жертвами геополитических и технологических изменений стали ДОВСЕ, Договор об ограничении систем ПРО, Договор о космосе 1967 года, Договор о морском дне 1971 г., так и не вступивший в полную силу Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и ДРСМД, прекративший свое существование в 2019 г. По словам С. Лодгаарда, не стоит ожидать и продления Договора СНВ-III, срок действия которого завершается в 2021 г. Это означает, что международное сообщество полностью лишается каких-либо согласованных правил игры в новом ядерном веке [с. 4].

В связи с этим С. Лодгаард выделяет первую особенность современных международных отношений: международные институты рушатся, многие важные соглашения прекращают свое существование, а нормы

международного права в вопросах войны и мира зачастую нарушаются и игнорируются, или же используются государствами только в выгодных для них целях. В качестве примеров нарушения норм международного права политик приводит смену режима в Ливии в 2011 г., актуализацию претензий Китая на территории в Южно-Китайском море, выход США из ядерной сделки с Ираном и «аннексию» Крыма Россией [с. 6].

Идея многосторонней дипломатии утратила свою привлекательность вследствие роста неравенства в распределении доходов, богатств, благ и возможностей. Более того, развитие новых технологий и роботизация вселили в людей страх потери единственно возможного для них способа заработка, а во многих западных странах массовая иммиграция привела к активизации националистических движений и культурным войнам. Идею многосторонности также подрывают экономический протекционизм и торговые войны, главной из которых является борьба за власть между США и Китаем [с. 7].

США заменяют многие многосторонние соглашения двусторонними, поскольку такие условия являются более выгодными для крупных держав, которые могут навязать свою волю не обладающим таким влиянием партнерам. Малые государства, наоборот, предпочитают решать важные вопросы в рамках многосторонних соглашений, поскольку так легче противостоять давлению и создавать коалиции против больших государств [с. 7].

С. Лодгаард напоминает, что Збигнев Бжезинский описывал будущее международных отношений, как многополярный мир больших держав, где малые государства становятся «исчезающим видом»¹. В качестве подтверждения этому тезису автор статьи приводит примеры того, что Россия возобновляет притязания на включение Украины в свою сферу

¹ Brzezinski Z. Strategic vision: America and the crisis of global power. – N.Y.: Basic Books, 2012.

влияния; Китай сохраняет активность в Южно-Китайском море, игнорируя интересы своих малых соседей; Индия вмешивается в дела Бангладеша, Шри-Ланки и Мальдив [с. 8].

По мнению С. Лодгаарда, неустойчивость и уязвимость сложившейся сегодня системы международных отношений становится особенно очевидной при сравнении ее системой «европейского концерта». Доминирующая держава стремится сохранить свое господство, между тем как другие державы пытаются его подорвать. Чувство общности и готовность соблюдать нормы международного права, которые характеризовали «концертную» дипломатию, полностью отсутствуют. В отношениях между великими державами конфликты интересов случаются все чаще [с. 9].

В этом контексте С. Лодгаард обращает внимание на такую особенность современных международных отношений, как растущая биполярность. Политолог утверждает, что вскоре отношения США и Китая станут приоритетным двусторонним измерением более широкого многополярного контекста. США воспринимают Китай как противника, а не как партнера. В связи с этим два государства неизбежно столкнутся с классической дилеммой, которая в последний раз наблюдалась во время ядерной конкуренции между США и СССР в 1970-х гг. [с. 8].

Еще одной особенностью современных международных отношений является то, что торговые войны и экономические санкции стали основными причинами и признаками конфликта. При этом санкции редко достигают поставленных целей. Вместо того, чтобы сдаться, государства, по отношению к которым применяют санкции, мобилизуются и всеми силами противостоят оказываемому на них давлению. В качестве подтверждения своих слов автор приводит примеры Северной Кореи и Ирана. Кроме того, всеобъемлющее введение санкций является бременем как для отдельных предприятий, так и международной экономики в целом. С. Лодгаард приходит к выводу, что применение санкций будет способствовать разрешению конфликта только в

сочетании с переговорами и реалистичными перспективами смягчения санкций [с. 9].

Отдельное внимание автор статьи уделяет так называемым технологическим войнам и киберугрозам. Передовые технологии создают новые формы воздействия и развивают потенциал насилия. Кибератаки сегодня буквально заменили реальные военные действия, а тайные кибероперации представляют отдельный инструмент внешней политики государства. Со временем последние будут только расширяться по своему масштабу и интенсивности. Это объясняется тем, что: 1) кибератаки могут проводиться как государственными, так и негосударственными акторами; 2) мир взаимосвязан и из-за этого современные общества очень уязвимы перед лицом киберугроз; 3) определить источники кибератак довольно сложно. По мнению С. Лодгаарда, рост кибервойн делает мир еще более непредсказуемым и хаотичным. Все эти изменения в мировом порядке уже отражаются в разрушении архитектуры контроля над вооружениями [с. 10].

Экономические войны, геополитическое соперничество, технологические изменения и непредсказуемость препятствуют совместным действиям в сфере безопасности. В связи с этим автор статьи задается вопросом: «Нанесет ли либеральный интернационализм ответный удар?». Некоторые политики считают, что США могут попытаться возродить либеральный интернационализм и занять в сложившейся системе позицию лидера, и что Европейский союз, приверженный принципам многосторонней дипломатии, а также международным правовым и либеральным ценностям, перейдет на более высокий уровень интеграции и станет еще сильнее [с. 11].

Однако, как отмечает С. Лодгаард, даже если Дональд Трамп не будет переизбран на должность президента, его преемник вряд ли сможет вернуться к либеральному интернационализму, поскольку политика Д. Трампа привела к долгосрочным экономическим, культурным и политическим изменениям. Скорость, с которой американский президент претворяет свои планы в жизнь, и создаваемая им неопределенность

угрожают ключевым элементам либерального порядка. Национализм и популизм находятся на подъеме. США освободили себя от международных обязательств, чтобы использовать свои ресурсы по своему желанию. В области внешней политики главной целью принципа «America First» является достижение национального преимущества, основанного не на международных нормах и институтах, а на двусторонней, выборочной и прагматической основе [с. 12].

Тем не менее это вовсе не означает возвращения США к изоляционизму. Национальные экономики сегодня предельно взаимосвязаны и взаимозависимы, а современные производственные цепочки максимально интернационализированы. Преимущества, которыми США пользуются в международной финансовой системе, и инструменты внешней политики, которые эти преимущества им предлагают, являются слишком ценными ресурсами [с. 12].

Что же касается Европейского союза, то он, по мнению автора, всегда являлся самым ярким сторонником либеральных ценностей, но современные антилиберальные настроения в Польше, Венгрии, Румынии и других государствах-членах подрывают интеграционный проект. Кроме того, европейцы буквально разрываются между Китаем и США. Отношения с Китаем становятся все более важными по мере того, как Шелковый путь продвигается в Европу, хотя более тесный контакт также означает усиление конфликтов. На Западе же трансатлантические связи, напротив, ослабевают, политические культуры США и Европы сильно различаются между собой. И хотя их экономическая взаимозависимость по-прежнему остается сильной, Д. Трамп расценивает ЕС как экономического противника, в то время как ЕС и Китай развивают взаимовыгодное сотрудничество [с. 13].

Все вышеперечисленные факторы обуславливают высокую степень непредсказуемости современных международных отношений. В современном мировом порядке существует мало вариантов для совместных действий. Тем не менее, перед всеми государствами стоит одна очень важная

общая задача: избежать ядерной войны. Государства должны принять соответствующие меры по укреплению доверия и контролю над вооружениями, чтобы снизить риск возникновения обычных конфликтов и их перерастания в ядерную войну. В связи с этим стабильность является целью номер один в области контроля над вооружениями. Однако добиться ее довольно сложно [с. 14].

Существует два наиболее важных компонента укрепления доверия: это прозрачность и предсказуемость. На данный момент доверие в международных отношениях отсутствует, поскольку элемент предсказуемости подрывается США, а элемент прозрачности не соблюдается большинством азиатских стран, к числу которых норвежский политолог относит и Россию [с. 15].

В непредсказуемом мире, мире подозрений, роль дипломатии ослабевает, а государства удовлетворяют свои потребности в безопасности путем наращивания военного потенциала. Страны готовятся к войнам, которых обычно стараются избегать. Так, например, хотя США и предпочитают военным действиям тайные операции, экономические санкции и кибервойны, с точки зрения военной мощи они остаются бесспорным лидером и полны решимости сохранять эту позицию в будущем [с. 16].

Наилучшим подходом к решению проблемы может стать дальнейшее продление и расширение условий договора СНВ-III, которое включило бы американо-российское сокращение развернутых ядерных боеголовок до трехзначных цифр, введение специальных ограничений на тактическое ядерное оружие, максимальное ограничение системы противоракетной обороны и ряд других аспектов. Норвежский политолог отмечает, что на основе этого договора Китай также смог бы присоединиться к следующему этапу переговоров между странами [с. 16].

Помимо этого, особое внимание С. Лодгаард уделяет концепции ядерной стратегической стабильности, предложенной Джоном Гауэром¹. Концепция включает в себя шесть компонентов, составляющих кодекс поведения в вопросах ядерной ответственности: сдержанность в риторике, занимаемых позициях, предпринимаемых действиях и боеготовности; ясные и недвусмысленные каналы связи и способы взаимодействия на уровне национальных органов контроля; воздержание от использования ядерного оружия в качестве рычага государственной политики, за исключением стратегических сдерживающих факторов. Таким образом, кодекс включает в себя весь спектр мер от декларируемой политики до разоружения и контроля над вооружениями. К перечисленным компонентам, по мнению С. Лодгаарда, следует добавить меры по укреплению доверия и разоружению в области обычных вооружений. При этом все действия должны быть адаптированы к специфике каждого региона [с. 16].

Л. Сверре отмечает, что предложенные им меры принесут плоды только в случае, если вопросы коллективной безопасности будут обсуждаться независимо от других спорных областей и все рекомендуемые изменения будут осуществляться вне продолжающейся борьбы за власть. По мнению норвежского политолога, на сегодняшний день самой подходящей платформой для разработки и обсуждения данного предложения является Договор о нераспространении ядерного оружия, участники которого юридически обязаны добиваться ядерного разоружения путем переговоров, т.е. с помощью совместных действий. Правительства и гражданское общество могут вернуть современное мышление к принципу многосторонней дипломатии. Однако если ведущая военная держава в лице США не изменит свою концепцию безопасности, то у разоружения и контроля над ядерными вооружениями не будет будущего [с. 17].

¹ Джон Гауэр – британский контр-адмирал. До своего ухода в отставку в декабре 2014 г. занимал должность помощника начальника штаба обороны в Министерстве обороны Великобритании. – *Прим. реф.*

«БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ» США ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: МОЖЕТ ЛИ РЕАЛИЗМ ЕЕ ОБЪЯСНИТЬ? ДОЛЖЕН ЛИ РЕАЛИЗМ ЕЕ ОПРЕДЕЛЯТЬ?»¹

WALT S.M. US grand strategy after the cold war: Can realism explain it? Should realism guide it? // International relations. – 2018. – Vol. 32, N 1. – P. 3–22.

Ключевые слова: «большая стратегия»; политический реализм; структурный реализм; Кеннет Уолтц; оффшорное балансирование; международные отношения; США.

В рамках настоящей статьи один из ведущих американских специалистов по международным отношениям Стивен Мартин Уолт (Гарвардский университет, США) критически оценивает попытку США выстроить либеральный миропорядок после окончания холодной войны и призывает совершить очередной «поворот к реализму», взяв за основу стратегию «оффшорного балансирования» (offshore balancing)².

Несомненным преимуществом парадигмы политического реализма автор считает ее сосредоточенность «на взаимодействии с реальным миром, а не на заумных политических спорах» [с. 2]. В его представлении, наличие

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2019. – № 2. – С. 101–107.

² Концепция «оффшорного балансирования» была сформулирована американским политологом Кристофером Лэйном (Christopher Layne) во второй половине 1990-х годов в ходе очередной развернувшейся в экспертном сообществе дискуссии о «большой стратегии» США. В статье «From preponderance to offshore balancing: America's future grand strategy» (International security. – 1997. – Vol. 22, N 1. – P. 86–124) он предложил исходить из тех новых условий международной среды, что стали формироваться с окончанием холодной войны. Наряду с перспективой превращения Китая во вторую мировую державу предсказывалась утрата США части своих позиций, обусловленная проблемами в сфере экономики. В связи с этим отмечалась опасность возникновения эффекта «имперского перегрева», если бы Вашингтон попытался продолжить выполнять свои внешнеполитические обязательства в прежнем объеме. – *Прим. реф.*

таких известных политиков-практиков как Ганс Моргентау, Джордж Кеннан и Генри Киссинджер в рядах сторонников этого набора концепций служит очевидным доказательством вышеприведенного тезиса. Обращаясь к работам основоположника структурного реализма Кеннета Уолтца, относящийся к той же самой научной школе С.М. Уолт подчеркивает условность предложенного последним разделения теории внешней политики государства и системного анализа на уровне государства. Он находит излишне категоричным вывод К. Уолтца о неприменимости структурного реализма (как теории международных отношений) для объяснения внешнеполитических явлений. С точки зрения автора, понимание того, какое ограничивающее и направляющее воздействие оказывает на субъектов политики структура международных отношений, способствует большей аналитической глубине выводов о предпосылках внешнеполитических стратегий тех или иных держав. Однако, показывая, как международная система возникает из взаимодействий государств, преследующих свои цели, структурный реализм мало что дает для прогнозирования поведения данных государств в условиях анархии. Слабой стороной структурного реализма С.М. Уолт полагает невозможность установить, в какой момент детерминирующее влияние на элементы оказывает структура международных отношений, а в какой – наблюдается обратный процесс. Наиболее практичным решением, предложенным в рамках неореализма (в его «наступательной» и «оборонительной» версиях), остается допущение, что структурные свойства системы не зависят от усилий малых и средних государств, а являются результатом взаимодействия между великими державами. Соответственно, лишь страны, обладающие значимыми возможностями и потенциалом, могут оказывать существенное влияние на систему международных отношений. С.М. Уолт считает, что США находятся именно в таком привилегированном положении.

В основной части статьи автор, практически не отступая от канонического текста Ганса Моргентау «Политические отношения между

нациями. Борьба за власть и мир»¹, перечисляет фундаментальные принципы политического реализма и описывает практические аспекты их реализации во внешней политике США.

Во-первых, реализм – это теория, претендующая на представление мира «таким, каков он есть на самом деле, а не таким, каким мы хотим его видеть» [с. 5]. Таким образом, реализм сближается с позитивизмом, в то время как либерализм исходит из нормативистского подхода и ориентируется на абстрактные идеалы.

Во-вторых, регулятором международной политики выступают сила и баланс сил. Власть государства неотделима от его силы, выступающей одним из решающих средств обеспечения национальной безопасности.

В-третьих, международные отношения носят анархичный характер, что означает отсутствие лидера и четко обозначенной властной иерархии.

В-четвертых, в системе, где господствует анархия, государства оказываются вынуждены полагаться на собственные силы ради обеспечения безопасности.

В-пятых, неопределенность и отсутствие доверия в международной среде заставляют акторов приоритизировать национальную безопасность, путём наращивания силы. Все это не исключает возможности сотрудничества, но подрывает устойчивость последнего.

Развивая и дополняя представленную в работах классиков реализма теорию баланса сил, С.М. Уолт утверждает, что главным мотивом формирования союзов для государств является стремление противостоять угрозам со стороны своих соседей. Причем природа альянсов заключается в противодействии не наиболее сильному, а наиболее опасному игроку.

Для того, чтобы ответить на вопрос, применимы ли принципы теории реализма к внешней политике США (несмотря на пресловутый «американский идеализм»), С.М. Уолт обращается к истории. Он отмечает,

¹ Morgenthau H.J. Politics among nations. The struggle for power and peace. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1948.

что с момента обретения независимости амбиции США росли по мере усиления их экономической мощи. Однако в XIX в. усилия государства были сосредоточены на закреплении влияния на континенте. Вытеснив к Великобритании и Францию с американского континента, США стали «региональным гегемоном», внешнеполитическая программа которого на протяжении достаточно длительного периода описывалась положениями, закрепленными в т.н. Доктрине Монро (1823)¹ [с. 6].

В XX в. США оказались вынуждены отойти от изоляционизма, с тем чтобы не допустить появления державы-гегемона в другом полушарии. Однако и в Первую, и во Вторую мировые войны США вмешивались не сразу: лишь когда становилось очевидно, что возникшие проблемы, включая обеспечение безопасности страны, нельзя решить в рамках нейтралитета. С окончанием Второй мировой войны в Белом доме окончательно утвердились в представлении о том, что перекладывание бремени ответственности за поддержание международной безопасности на другие страны создает угрозу американским национальным интересам. В дальнейшем это понимание обеспечило активность США в проведении политики сдерживания СССР [с. 7].

С.М. Уолт констатирует, что на пути превращения в супердержаву США обращали мало внимания на международное право и нормы морали. Он напоминает читателю о намеренных бомбардировках гражданских объектов в германских и японских городах во время Второй мировой войны, о поддержке кровавых антикоммунистических диктаторов в период существования биполярной системы, о неоправданных жертвах войны Вьетнаме. На примере противостояния СССР и США в годы холодной войны

¹ Упрощенно суть Доктрины Монро можно свести к следующим принципам: невмешательство американских государств во внутренние дела Европы; невмешательство европейских государств во внутренние дела Америки; решимость воспрепятствовать всяким попыткам европейских государств покушаться в какой-либо форме на независимость американских государств путем их колонизации. – *Прим. реф.*

С.М. Уолт доказывает правоту политических реалистов, утверждающих, что под влиянием анархии международных отношений конкурирующие государства будут действовать в очень схожей манере. Так несмотря на различия в идеологии, и Москва, и Вашингтон включились в гонку вооружений, приступили к созданию военно-политических блоков под своей эгидой и экспорту политических систем в страны-союзницы.

Когда произошел распад СССР, властные элиты США избрали путь закрепления «либеральной гегемонии». Попытку ее утверждения С.М. Уолт также интерпретирует в духе политического реализма. С разрушением «империи зла» и переходом к однополярности ограничения, обусловленные анархичностью международной среды, стали для США менее ощутимы. Вашингтон более мог не беспокоиться о сильных соседях и потенциальных противниках вдали от Северной Америки. Все враги США в 1990-е годы представляли собой группу слабых, изолированных «государств-изгоев» [с. 9]. Победа в холодной войне и рост национальной экономики в «девяностые» убедили многих американцев в том, что их страна обрела «магическую формулу успеха в глобальном мире» [с. 9]. Вашингтон ожидал от всего международного сообщества перехода к американской модели нелиберальной демократии. Отражением этих ожиданий стали: «Стратегия национальной безопасности вовлечения и расширения» администрации У. Клинтона; «Американская свобода» администрации Дж. Буша-мл. и, наконец, стратегия «Обновленного глобального лидерства» администрации Б. Обамы [с. 10]. Но, по утверждению С.М. Уолта, принципам либерального идеализма отвечали лишь декларируемые цели американской элиты, в то время как в своих практических действиях власти руководствовались присущим реализму пониманием категорий силы и национального интереса.

Автор подчеркивает, что в «момент однополярности» спектр угроз для США расширился: государства-партнеры нередко прибегали к «мягкому балансированию» против Вашингтона, в то время как враждебные страны стремились ослабить американскую мощь за счет создания скрытых

коалиций, поддержки террористов и т.п. Череда внешнеполитических провалов, которая, с точки зрения С.М. Уолта, началась с имплементации стратегии «двойного сдерживания» администрацией У. Клинтона способствовала появлению Аль-Каиды и более радикальных группировок, таких как ИГИЛ¹ на Ближнем Востоке. Осуществленная при поддержке США смена режимов в Ираке, Афганистане, Ливии, Йемене не привела к созданию либеральных демократических государств, но увеличила количество «несостоявшихся». В конечном итоге, экспорт «свободы и демократии» в страны Ближнего Востока и Северной Африки обернулся для Вашингтона серьезными репутационными и финансовыми издержками, а также спровоцировал рост экстремизма в вышеозначенных регионах. Финансовый кризис 2008 г. нанес новый удар по либерализму, что во многом обусловило победу внесистемного кандидата Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. [с.10].

Но хотя глобальный проект неолиберальной демократии провалился, С.М. Уолт уверен: США по-прежнему малоуязвимы и располагают определенной «свободой рук» во внешней политике. Однако «магической формулой успеха» для Белого дома в нынешней ситуации, по мнению автора, должна стать выработанная в рамках политического реализма стратегия «оффшорного балансирования». Суть ее заключается в следующем: если в мире не предвидится появления нового гегемона, то у США нет необходимости содержать большой военный контингент за пределами страны и поддерживать высокий темп военного строительства. В этих обстоятельствах наиболее оправдана будет политика военного невмешательства при сохранении рычагов экономического давления. Необходимо резко повысить уровень вовлечённости союзников в решение задачи поддержания стратегической стабильности во всех регионах.

¹ Запрещённая в России международная исламистская террористическая организация, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака. – *Прим. реф.*

Преимущество стратегии «оффшорного балансирования» заключается том, что «она ограничивает пространство, которое США должны защищать и мотивирует союзников нести это бремя, тем самым уменьшая для США тяготы военного строительства и вероятность человеческих потерь» [с. 12]. С.М. Уолт указывает, что отказ от экспорта демократии будет способствовать снижению уровня антиамериканских настроений в мире. Более того, «когда США захотят вмешаться, чтобы остановить или обратить вспять акт агрессии, как это было в Ираке в 1991 г., они предстанут в роли защитников, а не оккупантов» [с. 12].

По мнению автора, на сегодняшний день в Европе нет потенциального гегемона. Население России и Германии стареет, а «ни одна другая экономика не сможет доминировать на континенте» [с. 13]. Однако в Азии таким потенциальным гегемоном является Китай. Отдельные страны региона будут не в состоянии справиться с ним, поэтому «США следует создать коалицию-противовес, в то же время, сохраняя по возможности мирные отношения с Пекином» [с. 13]. В отношении ситуации на Ближнем Востоке С.М. Уолт призывает США вернуться к изоляционизму, ограничив свое вмешательство помощью в создании местных институтов самоуправления. Вашингтону следует «позволить странам региона справиться с последствиями разгрома ИГИЛ и дать России урегулировать конфликт в Сирии» [с. 13].

В заключение автор подчеркивает, что выдержанная в духе политического реализма новая «большая стратегия» даст администрации Д. Трампа возможность «перестать торговать государственностью, снизить военное присутствие в Европе и на Ближнем Востоке, выработать более прагматичный подход к России и сосредоточить внимание на партнерах в Азии, что, в конечном итоге, освободит дополнительные ресурсы для внутренних нужд» [с. 15].

Р.Р. Калинин

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

БЕЙЕНЕ Э., КХАН А., СЕЙИД АЛИ М. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЭФИОПИЕЙ И СУДАНОМ В КОНТЕКСТЕ ГИДРОПОЛИТИКИ НИЛА¹.

BEYENE E., KHAN A., SEID ALI M. The dynamics of Ethiopia-Sudan relations over the hydro-politics of Nile // Insight on Africa. – 2018. – Vol. 10, N 2. – P. 150–168.

Ключевые слова: гидрополитика; гегемония; эфиопо-суданские отношения; река Нил.

В рамках настоящей статьи Эмбиале Бейене, Аслам Кхан и Мухаммад Сейид Али (Университет Бахр-Дара, Эфиопия) анализируют исторический контекст противоречий Судана² и Эфиопии в отношении раздела водных ресурсов реки Нил и критически оценивают гидрополитику двух вышеозначенных стран на современном этапе.

Во введении авторы отмечают, что водные проблемы зачастую рассматриваются как потенциальный источник конфликтов, однако они же могут служить катализатором сотрудничества в трансграничных водных бассейнах.

В первой части статьи подчеркивается сходство вызовов, стоящих перед Эфиопией и Суданом: перенаселение, урбанизация, нехватка продовольствия и электроэнергии, низкий уровень санитарии и сложность обеспечения ирригации. Поскольку эти проблемы создают дополнительную нагрузку на существующие системы водоснабжения, вопросы гидрополитики приобретают поистине экзистенциальное значение.

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2019. – № 4. – С. 119–127.

² Здесь и далее авторы рассматривают Республику Судан – государство, расположенное в юго-восточной части Африки, со столицей Хартум, от которого 9 июля 2011 г. по итогам референдума отделился Южный Судан. – *Прим. реф.*

Противоречия между Эфиопией и Суданом усугубляются отсутствием обоюдно признанных правовых механизмов регулирования совместного водопользования Нилом.

Описывая исходные предпосылки гидрополитики Судана, исследователи приводят следующие факты:

1) Подавляющее большинство населения Судана занимается сельским хозяйством. Соответственно, достижение продовольственной безопасности за счет интенсификации развития аграрного сектора позиционируется правительством в качестве одной из важнейших задач;

2) Относительно недавно в Судане был возведен ряд плотин для развития гидроэлектроэнергетики и ирригации. Однако пограничный конфликт между Северным и Южным Суданом, а также продолжающаяся напряженность в провинции Западный Дарфур затормозили продвижение инфраструктурных проектов.

3) Традиционно Судан находится в орбите египетской гидрогегемонистской политики, что выражается в дипломатическом, политическом и правовом влиянии официального Каира на регулирование использования вод Нила и соответствующие инфраструктурные проекты [с. 152].

Применительно к ситуации в Эфиопии отмечаются следующие специфические особенности:

1) Экономика Эфиопии базируется на сельском хозяйстве, в котором занято около 80% населения страны, и на которое приходится 60% всего национального экспорта. Однако участившиеся в последнее время засухи наносят большой ущерб этой важнейшей отрасли.

2) Исторически Египет стремился ограничить доступ Эфиопии к использованию вод Нила, располагая при этом международной поддержкой, которую ему оказывали западные страны как стратегически важному союзнику.

3) В борьбе с дискриминационной политикой Египта Эфиопия применяла две стратегии: непризнание и отказ от старых соглашений, противоречащих национальным интересам, и выработка собственной концепции «справедливого использования» (equitable use).

4) Эфиопия пытается оспаривать гегемонию Египта в бассейне Нила путем развития своих собственных проектов. В 2011 г. Аддис-Абеба объявила о начале строительства Плотины великого возрождения Эфиопии (Grand Ethiopian Renaissance Dam, GERD) на реке Нил. Этот крупнейший проект реализуется исключительно за счет внутренних ресурсов, так к 2017 г. было проведено около 60% работ. Однако Эфиопия, Судан и Египет еще не согласовали вопрос о заполнении плотины и ее вводе в эксплуатацию. В 2012 г. был создан Трехсторонний комитет по Нилу, который изучает возможные последствия реализации проекта [с. 154].

Теоретическую рамку исследования авторы выстраивают основе хрестоматийной работы Ганса Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир». Классик политического реализма понимал под изучением гидрополитики систематический анализ межгосударственных конфликтов и сотрудничества в области международного управления водными ресурсами и их развития¹. Отмечая возможность участия негосударственных акторов в реализации гидрополитики, авторы, тем не менее, подчеркивают, что высший ее уровень – это *межгосударственные* отношения по вопросам распределения водных ресурсов и контроля над ними. Государства при этом обычно выступают как суверенные, независимые акторы [с. 155].

Во второй части статьи эксперты обозначают две возможных стратегии поведения в гидрополитике: гегемонию и контргегемонию.

Гегемония определяется как лидерство, которое зиждется не только на возможности принудить, но на знаниях и умениях реализовывать свое

¹ Morgenthau H. Politics among nations: The struggle for power and peace. – N.Y.: The McGraw Hill Publishing Companies, 2004.

влияние, подчеркивая формальное равенство между страной-гегемоном и другими акторами. Конфликт и сотрудничество рассматриваются не в качестве взаимоисключающих, а как дополняющие друг друга механизмы отстаивания своих интересов. Несимметричность властных отношений является неотъемлемой характеристикой гегемонии [с. 156].

Применительно к проблеме трансграничных рек, гегемоном бассейна является страна, которая контролирует не только использование водных ресурсов, но также соответствующие инфраструктурные и интеграционные и проекты в регионе. По мнению авторов, именно такую позицию занимал Египет в бассейне Нила [с. 157].

Контргегемония выражается в стремлении разрушить существующий *status quo* и оспорить его легитимность. Государства, избравшие этот путь, пытаются за счет убеждения и пропаганды увеличить число своих сторонников, сформировать из них собственный блок и выработать альтернативную стратегию для борьбы с гегемонистским давлением. Такой стратегии придерживаются Эфиопия и другие страны верхнего течения Нила, бросающие вызов монополии Египта на нильские водные ресурсы. Инициировав создание новых плотин на реке и ее притоках, Эфиопия увеличила свой политический вес, что позволило «усадить» Египет за стол переговоров. В 1997 г. Эфиопия смогла объединить все страны верховьев Нила под эгидой Рамочного соглашения (Nile Cooperative Framework Agreement), утверждавшего принципы «справедливого использования» нильских ресурсов и тем самым ставящего под вопрос законность т.н. естественных исторических прав Египта и Судана на полное использование вод реки.

В 2003 г. Университет Организации Объединенных Наций (УООН) организовал симпозиум высокого уровня для обсуждения роли международного сообщества в решении проблемы нехватки воды. В ходе симпозиума были рассмотрены три возможных подхода к данной проблеме: традиционный, информационно-технологический и международный.

Традиционный подход основан на вовлечении широкой общественности и заинтересованных сторон в процесс принятия решений путем их информирования и консультаций с ними. Второй подход предполагает использование современных информационных технологий для участия общественности в управлении общими водными ресурсами. Международный подход базируется на деятельности региональных и международных организаций, что позволяет увеличить общественное участие в контроле реализации принятых решений.

По мнению УООН применение вышеозначенных подходов может улучшить управление трансграничными водными ресурсами и стать отправным пунктом в развитии региональной интеграции и снижении конфликтности [с. 158]. Эмбиале Бейене, Аслам Кхан и Мухаммад Сейид Али соглашаются с этим заключением.

Следующая часть статьи содержит обоснование применения методов кейс-стади и фокус-групп при рассмотрении взаимодействия Эфиопии и Судана по вопросу использования ресурсов Нила, а также при попытке спрогнозировать последующие действия сторон [с. 159].

В четвертой части статьи динамика развития эфиопо-суданских отношений описывается сквозь призму теории гидрогегемонии. Отмечается, что гегемон может использовать переговорный ресурс и влиять на международных акторов, иностранные правительства и природоохранные организации для реализации своих национальных интересов, противоречащих интересам других государств. На сегодняшний день сложившаяся практика и правовая база в отношении водозабора полностью защищают монополию Египта и частично Судана на использование вод Нила. При этом «водное» соглашение 1959 г. между Каиром и Хартумом, по мнению авторов, сделало Судан «заложником» египетских властей, поскольку в договоре не учитывались его национальные интересы. Судан опасался открыто противостоять гегемону, допуская, что Египет в таком случае поспособствует смене режима и началу гражданской войны на

территории несговорчивого партнера. Более того, он находился под дипломатическим давлением других арабских государств, поддерживавших лидерство Египта в нильском субрегионе. Результаты проведенных авторами фокус-групп показали, что на позицию официального Хартума, в числе прочего, повлиял относительно низкий, по сравнению с Египтом, уровень технического, военного, и экономического развития [с. 160]. Таким образом, констатируют эксперты, на начальном этапе Египет довольно успешно использовал гегемонистскую стратегию для поддержания *status quo* в бассейне Нила.

В настоящее время страны верхнего течения Нила, в первую очередь Эфиопия, «раскручивают» контргегемонистский сценарий, бросая вызов традиционной монополии Египта в области использования нильских водных ресурсов. Для реализации такой масштабной задачи Эфиопия внедряет концепцию «справедливого использования», а также начала масштабную кампанию транснационального лоббирования, в рамках которой международные организации получили многочисленные письма протеста (*letters of protest*), осуждающие новые египетские ирригационные и мелиорационные проекты [с. 161]. Аддис-Абеба смогла мобилизовать внутренние финансовые ресурсы для создания крупных инфраструктурных проектов на Ниле, а также инициировала строительство Плотины великого возрождения Эфиопии, что стало реальным вызовом, сохранявшемуся с 1959 г. *status quo* в вопросах водопользования.

Исследователи обращают внимание на то, что контргегемонистская позиция Эфиопии предоставила Судану достаточное пространство для дипломатического маневра, чтобы выступить в качестве независимого от Египта субъекта международных отношений. Пользуясь открывшимся окном возможностей, Судан начал уклоняться от влияния гегемона, с которым его связывали неравноправные договоренности и даже стал их оспаривать.

Эфиопия же в области гидрополитики реализовала на практике все три подхода, выработанные УООН. Так, в рамках традиционного подхода Аддис-

Абеба обеспечила участие граждан в сфере использования и развития водных ресурсов Нила через проведение масштабных кампаний по защите окружающей среды в бассейне реки, общественное финансирование проекта GERD¹ и активную общественно-информационную компанию, увязывающую проблему справедливого распределения вод Нила с решением проблемы голода. Наряду с этим, эфиопское правительство активно взаимодействует с различными египетскими и суданскими должностными лицами, чтобы достичь взаимопонимания относительно намерений Эфиопии разумно использовать ресурсы реки [с. 162].

Что касается международного подхода, то, по мнению авторов, он реализуется через группу Инициатива бассейна Нила (ИБН, Nile Basin Initiative). Проекты ИБН призваны решать следующие задачи: поддерживать сотрудничество между организациями на региональном, субрегиональном и национальном уровнях, информировать общественность, содействовать участию заинтересованных сторон в обсуждении, укреплять взаимное доверие между странами бассейна для развития многосторонних партнерских отношений. Примером подобных проектов может служить программа «Эффективное использование воды для сельского хозяйства» (Efficient Water Use for Agricultural Production), созданная для обмена опытом в ирригации и в области хранения воды. Также все заинтересованные стороны могут отслеживать реализацию проектов на сайте ИБН.

В 2003 г. была учреждена организация Дискурс бассейна Нила (Nile Basin Discourse) под эгидой Канадского агентства международного развития (Canadian International Development Agency, CIDA). С точки зрения исследователей, деятельность данной организации также базируется на трех принципах УООН. Сайт ДБН предоставляет доступ к центру электронных ресурсов, где заинтересованные стороны могут получить отчеты и данные по

¹ Финансирование проекта осуществляется за счет продажи государственных облигаций. – *Прим. реф.*

проблематике. Под эгидой организации проходят форумы и встречи, которые содействуют диалогу и укреплению партнерских отношений.

В 2006 г. ИБН и ДБН подписали Меморандум о взаимопонимании¹ для облегчения взаимодействия и сотрудничества, обмена информацией и создания совместных проектов [с. 163].

Играя центральную роль в деятельности вышеуказанных институциональных структур, Эфиопия участвовала в выработке и принятии мер по управлению водными ресурсами Нила и их использованию, что обеспечило поддержку ее позиции официальным Хартумом [с. 164].

Эфиопия обладает в три раза большим потенциалом развития гидроэнергетики, чем совокупные гидроэнергетические возможности Судана и Египта, что при правильном использовании может раз и навсегда изменить жизнь людей субрегиона. В настоящее время в рамках ИБН изучается потенциальная возможность налаживания взаимовыгодной торговли электроэнергией между Эфиопией и Суданом.

Однако авторы призывают не забывать о конфликтогенных узлах взаимодействия Эфиопии и Судана в области гидрополитики. Одной из таких проблемных точек являются колониальные и постколониальные договоры Судана и Египта по вопросам нильского водопользования. Также не устранены противоречия между старыми и новым Рамочным соглашениями. Ситуацию грозит осложнить несогласие Египта с утратой своего гегемонистского положения в бассейне Нила [с. 165]. Решение Каира использовать сохраняющиеся рычаги влияния на Хартум может, по мнению экспертов, привести к трем вариантам развития событий. Согласно первому сценарию, под давлением Каира правящий режим в Судане просто откажется от своей внешнеполитической ориентации на Эфиопию. В соответствии со вторым, официальный Хартум не пойдет на переориентацию внешней политики, и тогда Египет, пользуясь нестабильной внутривосточной ситуацией в Судане, будет способствовать смене режима в стране. И

¹ Был продлен в 2010 г. – *Прим. ред.*

последним возможным сценарием предусматриваются попытки Египта дестабилизировать ситуацию в самой Эфиопии, например, используя повстанцев в районе эфиопо-суданской границы.

В заключении авторы обобщают выводы исследования. Они отмечают, что приверженность Египта концепции гидрогегемонии противопоставила ему Эфиопию, выступившую с публичным осуждением проегипетских колониальных договоров по использованию водных ресурсов Нила. Между тем в результате дипломатических усилий Аддис-Абебы Судан занял относительно умеренную позицию в отношении эфиопских инфраструктурных проектов на Ниле. Значимую роль в улучшении двухсторонних эфиопо-суданских отношений сыграли предыдущие проекты Эфиопии на Ниле, обеспечившие Судану устойчивый водосток и раскрывшие потенциал взаимовыгодной торговли гидроэнергией [с. 166]. Тем не менее, необходимо проделать большую работу с тем, чтобы развить экономическую интеграцию между странами в сферах торговли гидроэнергией, прямых иностранных инвестиций и приграничной торговли. Исследователи отмечают, что все государства бассейна Нила должны придерживаться единой стратегии управления водными ресурсами и их использования. В данном контексте они полагают необходимым включить Египет в данную стратегию, что позволит реализовывать различные проекты более эффективно и в атмосфере взаимного доверия [с. 167].

Д.С. Себекин

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА (МТК) / ВОН Д.В., СУНГ У.Й., КИМ Ч.К., БЭК Ч.Г.¹

A new geopolitics of international transport corridor / Won D.W., Sung W.Y., Kim J.K., Baek J.K. // Studies in comprehensive regional strategies. – Sejong Special

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2019. – № 1. – С. 56–61.

Autonomous City, KIEP (Korea Institute for International Economic Policy), 2015. – Vol. 15, N 7. – P. 14–287. (In Korean).

Ключевые слова: Евразийское пространство; международный транспортный коридор (МТК); новый Шелковый путь; «Евразийская инициатива»; геоэкономический подход.

Авторы книги «Новая геополитика международного транспортного коридора» – Вон Д.В. (Университет Донг-А, Республика Корея), Сунг У.Й. (Государственный университет Инчон, Республика Корея), Ким Ч.К. (Государственный университет Чоннам, Республика Корея), Бэк Ч.Г. (Университет Хасин, Республика Корея) оценивают перспективы реализации инициативы «Великого шелкового пути» на евразийском пространстве, рассматривая последнее в качестве арены конкуренции великих держав, в том числе, за контроль над международными транспортными системами. Отмечается, что евразийский «Шелковый путь» – это сложное «игровое поле», в котором государства – участники проекта сплетаются в диалектическом единстве соперничества и сотрудничества. Благодаря своему географическому положению Корейский полуостров может стать одним из важнейших связующих транспортных звеньев. Большой Евразии. Однако реализация проекта создания транспортного и логистического коридора между Корейским полуостровом и российским Дальним Востоком многократно осложняется разделением народа Кореи между двумя государствами с разными политико-идеологическими системами. Возникшие на международной арене в условиях военного противостояния периода холодной войны КНДР и Республика Корея тесно связаны с великими державами. У КНДР есть бессрочный Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Китаем 1961 г. (аналогичный договор с Северной Кореей до 1996 г. имели СССР и его преемница Россия), а Республика Корея подписала соответствующее военно-политическое соглашение с США (1954). Таким образом ситуация на Корейском полуострове напрямую зависит от

изменения соотношения сил США, КНР, РФ в Тихом океане и в Евразии [с. 16–17].

Целью настоящего исследования является определение возможных вариантов обеспечения мирного воссоединения Южной и Северной Кореи, путем анализа геополитических и геоэкономических последствий осуществления двух взаимосвязанных проектов – «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути» XXI века. Авторы изучают динамику «Новой Большой игры» между глобальными державами в Евразии, обострившейся после выдвижения Китаем инициативы «Один пояс и один путь», и на основе данного анализа делают прогнозы о практических аспектах построения евразийского Шелкового пути. Подчеркивается, что в последнее время Китай, Россия и США активизировали продвижение своих комплексных стратегических проектов в Евразии [с. 25].

В 2013 г. президентом Южной Кореи Пак Кын Хе был предложен грандиозный проект – «Евразийская инициатива» – подразумевающий соединение экономических, энергетических и транспортных комплексов стран Евразии, с перспективой формирования единого пространства, простирающегося от Западной Европы до Северо-Восточной Азии. Фактически суть «Евразийской инициативы» заключалась в открытии новых рынков и создании новых драйверов роста экономики. В ее основу закладывался опыт развития технологий и промышленности Южной Кореи. В качестве ключевых направлений рассматривались диверсификация промышленности, развитие транспортной инфраструктуры, строительство промышленных комплексов в странах Евразии. Вторым важным элементом данной инициативы стала задача стабилизации ситуации на Корейском полуострове, в том числе, за счет снятия напряженности в отношениях с Пхеньяном. По замыслу южнокорейской стороны, вовлечение КНДР в региональные экономические процессы должно было привести к изменениям во внутренней и внешней политике последней. Авторы отмечают, что в «Евразийскую инициативу» были интегрированы многие проекты прошлых

лет, например, «Северное экономическое сотрудничество», включающее в себя укрепление партнерства с Россией. Если рассматривать «Евразийскую инициативу» как адресное обращение к международной общественности, то она стала ярким символом приверженности Республики Корея идее сотрудничества между континентальными державами. Она также активно артикулировалась в политической риторике, обращенной к внутренней аудитории. Однако, отмечают авторы, «Евразийская инициатива» все еще далека от достижения поставленных целей, что объясняется целым комплексом причин [с. 245–246].

Во-первых, серьезным препятствием для продвижения проекта стала неспособность бывшего президента РК Пак Кын Хе заранее определить конкретную стратегию и методы ее реализации. Соответствующая «дорожная карта» начала разрабатываться только в 2014 г., так как компетентные ведомства оказались не готовы принять предлагаемые изменения [с. 18, с. 245].

Второй фактор – это одномерный подход к практической реализации проекта. «Евразийская инициатива» оказалась сведена до уровня стратегии улучшения межкорейских отношений. Так отсутствие у Сеула четко проработанного плана действий помешало выстраиванию эффективной модели трехстороннего сотрудничества РК и КНДР с той же Россией, т.е. с одним из ключевых потенциальных партнеров по созданию заявленного в инициативе «единого», «мирного» и «креативного» континента [с. 248].

В-третьих, взаимодействие с РФ не было институционально обеспечено в должной мере: отсутствовали действенные «каналы связи». Так как в России, по мнению авторов, наиболее важные вопросы обсуждаются только при участии Кремля, требовалось создать специальную компетентную структуру для поддержания непрерывных контактов с ключевыми политическими фигурами в целях сотрудничества и по-настоящему плодотворного обсуждения всего спектра значимых вопросов [с. 257].

В-четвертых, свое негативное влияние оказали антироссийские санкции, введенные в 2014 г. США и странами Запада и приведшие к ухудшению экономической ситуации в РФ. Помимо этого, конфликтные отношения Москвы и Вашингтона, ограничили пространство дипломатических маневров для зависимой от США Южной Кореи и привели к снижению инвестиционной активности РК в РФ [с. 260, с. 265].

В-пятых, утверждают авторы, программа реализовывалась бессистемно, не был сформирован единый координационный центр взаимодействия со странами Евразии. Ответственные министерства и ведомства не выработали адекватную систему распределения ответственности по проекту и оказались неспособны обеспечить своевременное согласование общих мероприятий и принятие новых постановлений. Для реализации проектов государственной важности, предложенных самим президентом, необходим бюджет, однако, на момент принятия инициативы отсутствовал какой-либо орган, уполномоченный этот бюджет формировать. Координационный совет по экономическому сотрудничеству в Евразии не имел возможности контролировать действия управления по международным экономическим вопросам при Министерстве стратегии и финансов, и начальники управлений соответствующих министерств не могли полноценно обмениваться планами и проводить мониторинг реализации проектов [с. 286–287].

На фоне очевидной стагнации «Евразийской инициативы» возрастает практическая значимость научного анализа ключевых элементов китайской, российской и американской стратегий в отношении проекта нового Шелкового пути. Крайне актуальными представляются оценки геостратегического потенциала этих стратегий, а также их совместимости с предложенным Пак Кын Хе планом. Авторы задаются вопросом, сохранит ли РК в условиях современной международной конъюнктуры достаточный уровень экономического роста для мирного воссоединения Корейского полуострова через экономическую интеграцию, или же проблема

разделенной Кореи не будет преодолена, что приведет к исключению Сеула из программы евразийского сотрудничества. Для того, чтобы не стать жертвой геополитического противостояния великих держав, указывают эксперты, Южной Корее необходимо определить новый формат реализации «Евразийской инициативы», но именно в качестве «средней» державы. В условиях «Новой Большой игры» между сверхдержавами Корея должна искать собственные пути расширения диалога с ключевыми игроками, такими как страны АСЕАН, государства Центральной Азии, Индия и Монголия [с. 17–18].

По мнению авторов, Республика Корея должна обеспечить себе «право голоса» в Большой Евразии, занимая при этом нейтральную позицию в отношении Китая, РФ и США. В ситуации, когда Китай бросает вызов американско-центричной мировой системе, нужно не допустить смещения баланса сил в сторону утверждения модели мирового порядка во главе с Пекином [с. 264]. Иными словами, разделяющее общие цели и ценности сообщество должно работать над созданием новых форм экономического сотрудничества евразийского толка, а не расширять рынок, в котором доминирует инерция имперского подхода. Также начавшийся в 2011 г. в США процесс внешнеполитического разворота в Азию не должен способствовать усилению конкуренции и конфронтации в регионе. Следует исходить из принципа приоритетности сохранения партнерских отношений, даже в ситуации сдерживания КНР – главного геополитического соперника США.

Все карты главных игроков Азии уже раскрыты. Теперь необходимо разработать стратегический подход к развитию «Евразийской инициативы», который бы не эксплуатировал элементы традиционной геополитической гегемонии и конфликтных отношений между государствами [с. 272].

На сегодняшний день крайне актуальной остается проблема выстраивания эффективного взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в условиях отсутствия действенных механизмов экономического

сотрудничества и нерешенности проблем безопасности на Корейском полуострове. Авторы полагают, что в данном контексте более перспективным является «геоэкономический», т.е. предполагающий приоритет экономического сотрудничества, а не «геополитический» подход [с. 273]. В первую очередь, необходимо создать механизмы сотрудничества стран Северо-Восточной Азии. Данное сотрудничество можно назвать оптимальной партнерской программой, сочетающей в себе продвижение строительства шести экономических «коридоров» Китая в соответствии со стратегией «Один пояс и один путь», политикой Евразийского экономического союза, программой развития Дальнего Востока в рамках «Новой восточной политики», недавно появившимся российским проектом Транс-Евразийского пояса «Razvitie» (ТЕПР), монгольскими инициативами «Монгольский транзит» и «Степной путь», южнокорейской «Евразийской инициативой» [с. 281].

Авторы также акцентируют внимание на том, что экономический коридор Северо-Восточной Азии – не новая концепция: это идея и инициатива, консолидирующая двустороннее и многостороннее трансграничное сотрудничество, которая была разработана с упором на строительство международных транспортных коридоров в приграничных районах между Китаем и Северной Кореей, а также между КНР, КНДР и Россией. Данный экономический коридор – эффективная профилактическая мера, позволяющая избежать геополитического противоборства и возникновения конфликта между морскими и континентальными странами [с. 281–282]. Суть данного проекта состоит в реализации сотрудничества по формуле «2+4», предполагающей взаимодействие в сфере транспортной логистики, торговли, сельского, лесного и рыболовного хозяйства, а также разработке энергетических ресурсов. Главный акцент делается на создании китайско-корейского экономического коридора путем усиления сопряжения китайского «Ляонинского приморского экономического пояса»,

«Дандуньского плана развития» и южнокорейского «Плана развития Ласона» [с. 283–284].

Отметим, что авторы фиксируют и недостатки данного проекта. Так, например, они полагают контрпродуктивным исключение из него таких основных игроков Северо-Восточной Азии, как США и Япония. Учитывая тенденцию к выстраиванию американо-центричного сетевого альянса – треугольника «РК–США–Япония» – и его конфронтацию с треугольником «КНР–КНДР–Россия», Южной Корее, как государству, действия которого ограничены «блоковой» дисциплиной, будет не так просто осуществить инициативу построения экономического коридора [с. 282]. В частности, не задействованная в реализации экономического коридора Северо-Восточной Азии Япония может стать одним из ключевых акторов, определяющих успех или провал инициативы. Чтобы перестраховаться, следует интегрировать Японию, способную оказать негативное влияние на стратегическую ситуацию в случае ее исключения из переговоров по созданию коридора, в систему многостороннего сотрудничества. Японское участие приведет к усилению заинтересованности со стороны США – внерегионального государства, обладающего, тем не менее, большим влиянием в Северо-Восточной Азии. Благодаря этому Южная Корея сможет рассчитывать на то, что продвижение проекта экономического коридора станет фактором обеспечения мира и процветания в Северо-Восточной Азии и позволит избежать геополитического противоборства [с. 283].

В заключение эксперты отмечают, что строительство экономического коридора в Северо-Восточной Азии представляет собой важное подспорье в реализации «Процесса укрепления доверия на Корейском полуострове» и «Инициативы мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии». Предполагается, что экономический коридор станет стимулом к развитию межкорейского экономического сообщества. Решающее значение для строительства экономического коридора будет иметь готовность КНДР принять участие в данном проекте. Для привлечения Северной Кореи к

общим проектам в сфере транспорта, логистики, торговли и энергетики авторы полагают целесообразным снизить санкционное давление на Пхеньян, в частности, отменить санкции, введенные Сеулом в 2010 г. после инцидента с затоплением корвета южнокорейских ВМС «Чхонан» [с. 286].

М. Пак

ЖЕРМЕН Р., ШВАРЦ Г. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВАЛЮТЫ: ПРИМЕР ЮАНЯ.

GERMAIN R., SCHWARTZ H. The political economy of currency internationalization: the case of the RMB // Review of international studies (RIS). – 2017. – P. 1–23.

Ключевые слова: интернационализация валюты; гегемония доллара; глобальная политическая экономия; международная валюта; международная финансовая и валютная система; юань (RMB); стерлинг.

Анализируя опыт становления ведущих валют мира, Рэнделл Жермен (Карлтонский университет, Канада) и Герман Марк Шварц (Университет Виргинии, США) разрабатывают методологию исследования интернационализации государством собственной валюты и, на ее основе, доказывают невозможность осуществления этого процесса Китаем на современном этапе [с. 4].

После Второй мировой войны американский доллар стал основой международного валютного порядка, однако быстрый рост Китая в 2000-е годы способствовал возобновлению дискуссии о роли доллара в качестве основной мировой валюты и началу полемики относительно потенциала интернационализации китайского юаня.

Принято считать, что для интернационализации валюты необходимы следующие три компонента: «транзакционные издержки» (transaction costs), «стабильность» (stability) и «ликвидность» (liquidity). Авторы статьи утверждают, что все эти показатели являются вспомогательными. Самый главный и важнейший критерий – это «внутриполитические договоренности в стране» (domestic political arrangements). Доминирующая валюта должна

способствовать поддержанию глобального спроса и служить основой для мировой политической экономики [с. 2].

Препарируя работы Р. Триффина, Ч. Киндлберга и С. Стрендж, авторы статьи создают собственную концепцию интернационализации национальной валюты и приходят к следующим выводам:

1. существует неразрывная связь между международной валютой и ростом мирового спроса;
2. необходимо расширить средства для обеспечения глобального спроса, включив в них «финансовое посредничество и создание финансовых активов» (financial intermediation and the generation of financial assets);
3. обеспечение глобального спроса напрямую влияет на растущие внутренние расходы и «социальную дислокацию» (social dislocation).

Кроме того, государство, выпускающее доминирующую международную валюту, также должно иметь возможность регулировать свои внутренние расходы, связанные с управлением валютой. Данные издержки включают в себя рост безработицы, увеличение неравенства и т.д. Именно поэтому государство обязано уделять большое внимание своей социальной политике [с. 9].

Авторы подробно описывают опыт США и Великобритании в интернационализации своих валют, чтобы проиллюстрировать обнаруженные закономерности практическими примерами. В этих двух странах внутриполитические издержки, связанные с управлением международной валютой, были компенсированы сделками среди «уязвимых слоев населения» (vulnerable parts of the population). В британском случае, продовольственная политика была тесно связана с глобальным господством стерлинга [с.14]. Свободная торговля вокруг импорта продовольствия привела к росту реальной заработной платы у рабочего класса, позволив британским иностранным должникам обслуживать свои кредиты в фунтах стерлингов за счет доходов от их экспорта [с. 21].

В случае США жилищная политика была тесно связана с мировой ролью доллара [с. 14]. Это помогло расширить внутреннюю экономику, сгенерировав новые финансовые активы, которые можно было продавать за рубежом. Это привело к росту уровня жизни среднего класса, существенно сократило разрыв в платежном балансе США и, в целом, способствовало развитию мировой экономики.

Кроме того, по мнению Р. Жермена и Г. Шварца, история интернационализации доллара и стерлинга доказывает тот факт, что доминирующая экономика становится таковой только после внедрения новых производственных процессов, выпуска валюты на мировые рынки в чистом виде через избыток импорта или путем кредитования других стран в своей валюте. В тоже же время, ученые делают особый акцент на том, что все вышперечисленное неизбежно приводит к внутренним противоречиям, которые требуют незамедлительного решения.

Дискуссия по поводу интернационализации юаня должна включать в себя вопрос о том, есть ли у Китая необходимые для этого ресурсы. Авторы категорически утверждают, что в настоящее время искомые ресурсы слишком незначительны, а тот факт, что экономика Китая в своей основе строится на экспортно-ориентированных фирмах и государственных предприятиях является существенной проблемой. Р. Жермен и Г. Шварц допускают возможность введения юаня как доминирующей мировой валюты лишь в случае увеличения кредитования. Однако в любом случае Китаю необходимо добиться превалирования импорта над экспортом – переключиться с инвестиций в экспортную продукцию на внутреннее потребление.

Данный сдвиг в экономической политике КНР подразумевает уменьшение влияния государственных элит и предприятий, что приведет к крайнему возмущению членов коммунистической партии. Безусловно, нехватка внутреннего спроса, возникшая в результате контроля партии над прибылью, имела следствием большое положительное сальдо торгового

баланса, которое помогло КНР стать конкурентоспособным на международном уровне. Но это не только не способствует интернационализации валюты, но и значительно тормозит данный процесс [с. 22].

Ученые выделяют три основных аргумента, подтверждающие наличие у Китая структурных проблем в экономике:

1. сальдо торгового баланса КНР составляло 4,7% ВВП в период с 1999 по 2008 годы. Несмотря на то, что в настоящее время эти излишки сокращаются, в период с 2009 по 2014 годы они все еще составляли 2.8% ВВП;

2. рост потребления не соответствует росту предложения, что препятствует увеличению потребления. Вместо этого большая часть дохода уходит на инвестиции в инфраструктуру, недвижимость и создание экспортных мощностей;

3. рост экспорта опережает рост импорта [с. 15–16].

Все эти условия отражают основных институциональные особенности китайской политической экономии. По мнению авторов, она структурно смещена в сторону создания избыточных мощностей и экспорта. Поэтому изменить сложившуюся ситуацию – крайне проблематично. Китаю будет сложно преобразовать юань в международную валюту, потому что в настоящее время он не может обеспечить мир достаточным количеством собственной валюты для устойчивого расширения мирового спроса. Несмотря на то, что экономический рост КНР, безусловно, увеличил спрос на сырье и импорт комплектующих деталей в страну, экспорт до сих пор играет более важную роль.

Р. Жермен и Г. Шварц настаивают, что доллар сохранит доминирующие позиции в будущем и останется главной международной валютой. Несмотря на многочисленные заявления об упадке доллара и его нестабильности, авторы приводят контраргумент, утверждая, что Китай в свою очередь находится в так называемой долларовой ловушке (*dollar trap*)

из-за своих крупных долларовых активов. Более того, доля юаня в транзакциях через глобальную сеть SWIFT¹ составляет примерно 9%, в то время как доллар занимает целых 90%. Также важно подчеркнуть, что 80% сделок в долларах было заключено между китайскими и гонконгскими компаниями [с. 19]. Таким образом, юань функционирует только лишь в качестве самостоятельной региональной валюты, поэтому говорить о ее интернационализации преждевременно. В отсутствие чего-либо подобного депрессии или войне в США, доллар сохранит свои позиции на международных финансовых рынках [с. 22].

В заключительной части статьи авторы подвергают критическому анализу методологию собственного исследования и сделанные на ее основе выводы. Данный подход к аналитической работе является представляется довольно интересным и нетипичным для отечественных ученых такого уровня.

Во-первых, Р. Жермен и Г. Шварц признают, что в своей работе они фактически приравнили понятия ликвидности и спроса на валюту. Однако на самом деле авторы делают уточнение, что реальный и материальный набор экономических обменов необходим для подтверждения увеличения мировой ликвидности как роста мирового спроса. Приводя в пример исторический опыт Великобритании (глобальный оборот стерлинга породил новое производство и товарный импорт продуктов питания из других стран), авторы иллюстрируют их восприятие «превращения ликвидности в рост спроса» (transformed liquidity increases into demand growth) [с. 21].

Во-вторых, ученые ошибочно выделили способы, с помощью которых международная валюта получает глобальное обращение. Они не уделили достаточного внимания «финансовому посредничеству», хотя именно данный аспект был основой для доминирования стерлинга и доллара. Однако

¹ Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications). – *Прим. реф.*

они утверждают, что данный инструмент легко вписывается в их основную концепцию.

Таким образом, авторам все же удастся отстоять право своей теории на существование. При этом они приходят к выводу, что в ближайшем будущем доллар сохранит свое доминирующее значение, так как Китай сталкивается с внутривнутриполитическими и внутриэкономическими противоречиями для интернационализации собственной валюты – юаня.

Л.Ю. Рычкова

КЛАРК М. ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ: ПРИМЕР УЙГУРОВ В СИНЬЦЗЯНЕ¹.

CLARKE M. The impact of ethnic minorities on China's foreign policy: The case of Xinjiang and the Uyghur // China report. – 2017. – Vol. 53, N 1. – P. 1–25.

Ключевые слова: этническое меньшинство; внешняя политика; уйгуры; сепаратизм; терроризм; Китай.

Этническое многообразие китайской нации зачастую игнорируется исследователями при анализе внешней политики КНР. По мнению Майкла Кларка (Австралийский национальный университет, Канберра), это обусловлено доминированием неореализма в теории международных отношений. Данная парадигма исходит из того, что поведение государств полностью определяется анархической природой международной системы, в то время как внутренние характеристики акторов (степень социокультурного разнообразия, специфика политического режима и т.п.) практически не влияют на их действия за пределами национальных границ [с. 1]. В рамках настоящей статьи М. Кларк на примере кейса Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) показывает значимость этнических меньшинств

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2019. – № 1. – С. 70–74.

во взаимоотношениях КНР с другими государствами на международной арене.

Вероятно, недооценка роли этнических меньшинств в обеспечении бурного роста китайской экономики и связанной с ним активизации внешней политики Китая обусловлена дисбалансом в представленности ханьцев (91,5%) и иных народностей в общей численности населения страны [с. 2]. Несмотря на то, что официально признанные в Китае 55 этнических меньшинств («шаошу миньцзу») составляют кажущиеся незначительными 8,49% населения страны, в общей совокупности они насчитывают около 113,79 млн человек. При этом они расселены на территориях национальных автономий различного административного уровня, занимающих 64,3 % территории и 90% приграничных районов Китая. Таким образом, обострение отношений ханьского населения с «шаошу миньцзу» может усложнить отношения КНР с соседними государствами, а также угрожает территориальной целостности страны, учитывая концентрацию неханьских народов вдоль ее границ.

С момента основания КНР в октябре 1949 г. центральное правительство работало над созданием полиэтнического унитарного государства. Однако средства, используемые Коммунистической партией Китая (КПК) для реализации этой цели, нередко провоцировали недовольство этнических меньшинств и приводили к нарастанию сепаратистских тенденций, что негативно сказывалось на международном имидже КНР. По мнению профессора Колумбийского университета Грея Таттла, правительство КНР, более чем на 90% состоящее из ханьцев, поддерживает дискриминацию всех этнических меньшинств страны, в том числе уйгуров¹. К основным конфликтогенным факторам в отношении Пекина и уйгуров М. Кларк относит: институт «региональной автономии»;

¹ Tuttle G. China's race problem: How Beijing oppresses minorities // Foreign affairs. – 2015. – P. 39–46. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-04-20/china-s-race-problem> [Accessed: 06.11.2018.]

экономический разрыв между ханьцами и уйгурами в СУАР; государственный контроль над религиозными или культурными практиками; политику переселения ханьцев в СУАР; этническую дискриминацию [с. 6].

Развал СССР и появление множества новых независимых государств обусловили актуализацию сепаратистских движений далеко за пределами постсоветского пространства. Данный процесс совпал с ускорением темпов глобализации, а также с началом активной практической имплементации стратегии гуманитарных интервенций.

Очередной всплеск уйгурского национализма пришелся именно на 1990-е годы. Автор обращает внимание на то, что в период холодной войны уйгуры не поддерживались ни одной из сверхдержав. Единственной страной, оказывавшей им некоторую помощь в борьбе за права, была Турция. Анкара даже предоставила убежище лидеру уйгуров Юсуфу Альптекину (последнему Генеральному Секретарю Коалиционного Правительства Восточного Туркестана), изгнанному из КНР в 1949 г. Во второй половине XX в. в Турции сформировалась достаточно представительная уйгурская диаспора, обладающая солидным лоббистским потенциалом. Китай, в свою очередь, неоднократно упрекал Турцию в использовании «двойных стандартов» при обсуждении уйгурского вопроса. Официальный Пекин выражал недоумение в связи с тем, что апеллирующая к «праву народа на самоопределение» страна применяет репрессии в отношении собственного этнического меньшинства – курдов [с. 9]. Итогом китайско-турецких дипломатических баталий стало издание премьер-министром Турции в 1999 г. директивы, согласно которой Анкара официально признавала Синьцзян частью Китая, а министрам правительства Турции предписывалось воздерживаться от участия в совещаниях или мероприятиях, способствующих независимости «Восточного Туркестана».

В 1990-е годы Китай также заявлял, что СУАР проникают радикальные исламистские силы из Афганистана. Наличие проблемы уйгурского сепаратизма и исламизма вынуждает Пекин к еще более активному

сотрудничеству с Кабулом, при том, что Афганистан для КНР – важный элемент влияния на позицию Пакистана, а, следовательно, и Индии, которую связывает с Исламабадом череда военных конфликтов.

Геополитическая и экономическая значимость СУАР для КНР обусловлена следующими причинами. Во-первых, в СУАР сосредоточены самые большие запасы природных ресурсов, начиная с нефти и заканчивая редкоземельными металлами. Во-вторых, данная административно-территориальная единица имеет стратегически важное пограничное расположение: СУАР граничит с Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном, Индией. В-третьих, он является ключевым звеном проекта «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП): все логистические маршруты в Центральную Азию (ЦА) и Южную Азию (ЮА) проходят через СУАР. В-четвертых, хотя большую часть населения СУАР составляют уйгуры, там проживает и определенный процент ханьцев, для которых обострение интенции титульного этноса региона к сепаратизации может обернуться гуманитарной катастрофой.

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как на фоне разворачивающегося процесса глобализации ущемленные или подвергающиеся репрессиям у себя на родине этнические группы обращаются к странам Запада в попытке добиться поддержки «глобального гражданского общества» [с. 12].

В рамках этой логики – привлечения сильных внерегиональных игроков для решения игнорируемых собственным государством проблем – следует рассматривать создание таких организаций, как Уйгурская Американская Ассоциация (УАА, 1998) и Всемирный Уйгурский Конгресс (ВУК, 2004). Обе группы ведут борьбу за права уйгуров теми способами, что в полной мере соответствуют неолиберальному геополитическому видению, доминирующему на Западе.

УАА выражает стремление «содействовать сохранению и процветанию богатой, гуманистической и разнообразной уйгурской культуры», а также «поддерживать право уйгурского народа на использование мирных, демократических средств для определения своего политического будущего» [с. 13]. Организация получает ежегодное финансирование в размере 250 тыс. долл. США от Национального фонда демократии. Также подконтрольная УАА группа «Uyghur Human Rights Project» в целях защиты прав человека в СУАР и привлечения внимания международного сообщества к проблеме уйгуров регулярно публикует доклады, в которых содержится детальное описание фактов нарушения прав человека в СУАР или притеснения уйгуров центральным правительством Китая.

ВУК определяет свою миссию практически в тех же терминах, что и УАА: «содействие демократии, правам человека и свободе уйгурского народа, а также использование мирных, демократических и ненасильственных средств для определения уйгурами своего политического будущего» [с. 13–14].

Своеобразной точкой отсчета перехода КНР к ужесточению политики в отношении уйгуров автор полагает 2014 г. Тогда произошли четыре крупных теракта с участием уйгурских националистов: на станции Куньмин; на железнодорожном вокзале в Урумчи; на базаре в Урумчи; в уезде Яркенд. Со стороны Пекина последовали: усиление мер безопасности и борьбы с терроризмом (некоторые исследователи утверждают, что именно в этот период появились первые «лагеря перевоспитания», о которых западная общественность заговорила лишь летом 2018 г.); возвращение к риторике стабильности и этнического единства (серия запретов на отдельные практики отправления религиозных культов, чтение Корана на улицах; изъятие паспортов и многое др.); а также активизация пропагандистской деятельности, направленной на демонстрацию связей между «уйгурским» терроризмом и «враждебными внешними силами» [с. 15].

На сегодняшний день Китай пытается изолировать Синьцзян от влияния уйгурских боевиков вдоль границы «АфПак»¹ посредством расширения сотрудничества в области безопасности с Исламабадом, а также обучения и снабжения оружием афганских сил безопасности. Тем не менее, предостерегает М. Кларк укрепление двусторонних связей Пекина и Кабула, вкуче с попытками КНР вмешаться во взаимодействие афганских властей и талибов, в том числе путем организации тайных переговоров, с высокой вероятностью будет негативно воспринято Пакистаном. Исламабад может начать полагать, что интересы его «вечного друга», фактически противостоят его собственным в контексте уйгурского вопроса в Афганистане.

В заключении автор констатирует, что с окончания холодной войны подход Пекина к решению вопроса уйгуров Синьцзяна оказывал заметное влияние на внутреннюю стабильность государства, а также отношения со странами Центральной Азии. Природа и масштаб проблемы, исходящей от какого-либо этнического меньшинства в контексте внешней политики КНР, определяются пересечением пяти факторов: историческим бэкграундом взаимодействия центрального правительства и меньшинства, выраженностью географической концентрации последнего, уровнем его аккультурации в ханьском обществе, наличием внешней поддержки и степенью мобилизации диаспоры. Произошедшая после распада СССР «глобализация диаспоры» усложнила КНР задачу борьбы с «неудобными» уйгурами. События 11

¹ С приходом к власти в США администрации Б. Обамы в американском официальном политическом дискурсе появилось новое понятие «АфПак», обозначившее необходимость рассмотрения Афганистана и Пакистана в качестве единого военно-политического пространства. Подобное видение обосновывалось Р. Холбруком – автором данного понятия – следующими причинами: наличием общего театра военных действий в зоне афганопакистанской границы; нерешенностью пограничных проблем Афганистана и Пакистана по «линии Дюранда» 1893 г.; использованием движением «Талибан» и террористическими сетями режима открытой границы (прежде всего «зоны племен») между Афганистаном и Пакистаном. – *Прим. реф.*

сентября подтвердили существование «безграничного», но исключительно раздробленного мира, побудив государства задуматься об укреплении традиционных институтов безопасности. Также сместились акценты в националистической риторике этнических меньшинств. От обращения к категориям «национального освобождения» или «права на самоопределение» они перешли к дискурсу прав человека и либеральной демократии. Интернационализируя таким образом внутренние конфликты и привлекая внимание взявшего на себя роль символа демократических ценностей Запада, этносепаратистские группы, подобные уйгурам, добиваются уступок от центральных правительств своих стран.

Б.А. Аносов

МОХАПАТРА Н.К. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГЕОПОЛИТИКА И Н

MOHAPATRA N.K. Regional processes and geopolitics of India, Afghanistan, Tajikistan, and Uzbekistan (IATU) // Jadavpur journal of international relations. – 2018. – Vol. 22, N 1. – P. 1–27.

Ключевые слова: геокультура; геополитика; сообщество безопасности; регионализм мандалы»; единое экономическое пространство.

Ф
Г В статье сотрудника Центра российских и центральноазиатских исследований факультета международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру Налима Кумара Мохapatры (Centre for Russian and Central Delhi, India) на основе анализа специфики регионального сотрудничества, экономических интересов, геостратегической и геокультурной самоидентификации Индии, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана (ИАТУ), обосновывается необходимость институционализации связей

**Т
А**

Д Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании **Ж** Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. **И** Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., **К** 2019. – № 1. – С. 62–69.
И
С
Т
А

вышеперечисленных государств Центральной и Южной Азии.

Во введении автор обращает внимание на то, что после распада Советского Союза в 1991 г. участие в межгосударственных интеграционных группировках стало важной составляющей национальных стратегий содействия общемировому развитию [с. 2]. На рубеже XX–XXI вв. всплеск регионализации охватил все пространство Евразии. Последовательно расширялся Европейский союз (ЕС), углублялось взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Появился новый формат интерконтинентальной интеграции – БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). По мнению индийского ученого, ИАТУ – объединение Индии, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана – также могло бы стать перспективным проектом регионального сотрудничества [с. 2]. Несмотря на отсутствие надлежащей связности между этими странами и какого-либо общего диалогового форума, формирование соответствующей институциональной структуры придало бы импульс региональному взаимодействию рассматриваемых государств и привело бы к складыванию единого геополитического пространства Центральной и Южной Азии.

Особую роль в этом процессе автор отводит Индии, претендующей на роль глобальной державы и, соответственно, способной взять на себя ответственность в деле продвижения ИАТУ как единого интеграционного механизма, «противодействующего терроризму и способствующего безопасности и сотрудничеству в регионе» [с. 2]. И пусть, заявляет Н.К. Мохapatра, сегодня институционализация взаимодействия Индии, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана выглядит амбициозным, но нереалистичным проектом, в будущем ИАТУ сможет стать эффективной площадкой для взаимодействия и интеграции [с. 2]. Достаточно изучить опыт становления таких объединений, как Организация экономического сотрудничества (ОЭС), ШОС или ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), чтобы в этом убедиться.

Оценивая перспективы формирования нового геополитического пространства ИАТУ, Н.К. Мохapatра приходит к выводу, что для успешного продвижения региональной интеграции и формирования стратегической культуры государствам необязательно иметь общую границу [с. 3]. Куда важнее – разделять чувство общности или принадлежности к чему-либо, основанное на неких принимаемых всеми нормах. Настоящий тезис, по признанию самого автора, вписывается в рамки теории о сообществе безопасности, сформулированной немецким социологом Карлом Дойчем в 1950-е годы. Ее основная идея заключается в том, что взаимное доверие и наличие общей идентичности – это главные факторы, обеспечивающие мирное сосуществование государств. Сообщество безопасности отличает уверенность его участников, что вне зависимости от остроты возникающих

м

е

ж

д

у

н В своем обосновании возможности развития эффективных региональных объединений на базе чувства общности Н.К. Мохapatра также обращается к концепции габитуса французского социолога Пьера Бурдьё [с. 5]. Согласно структуралистско-конструктивистскому подходу, габитус – это продукт истории, воспроизводящий индивидуальные и коллективные практики (т.е. то, что станет историей), в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Прошлый опыт, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует «правильность» практик и их постоянство во времени более надежно, чем все формальные

о

1 Deusch K.W. Political community and the North Atlantic area: International organization in the light of historical experience. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1957.

49

и

к

правила. Через габитус, как систему прочно приобретенных предрасположенностей, прошлое актуализируется в настоящем и «захватывает» будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик¹. Таким образом, обозначает индийский ученый, к проблематике обеспечения региональной интеграции целесообразно подойти через идею формирования общего габитуса участников потенциальных объединений [с. 3].

Автор не ограничивается теоретическим осмыслением региональных интеграционных процессов, рассматривая регион, как структуру с определенным типом внутреннего взаимодействия. В основе соответствующего подхода лежат идеи, высказанные в 1970-х гг. американским экспертом Уильямом Томпсоном. Последний выделил четыре базовые переменные, характеризующие индивидуальность региона: 1) минимальный набор участников – два; 2) признание участниками региона данной подсистемы как определенного, имеющего свои границы района; 3) регулярное и интенсивное взаимодействие участников; 4) географическая близость. Признавая (вслед за У. Томпсоном) приоритет характеристик взаимодействия при определении статуса региона, Н.К. Мохapatра утверждает, что залогом успешного регионального сотрудничества является наличие крепких этнических, языковых, культурных, социальных и исторических связей, необходимых для формирования субрегиональной и

д Также в рамках формирования теоретико-методологической базы своего исследования автор обращается к довольно перспективной, но не слишком популярной в настоящее время в академических кругах концепции «регионализма мандалы». Понятие «мандала» используется в социальных и

¹ Bourdieu P. Social space and symbolic power // Sociological theory. – Wisconsin, 1989. – Vol. 7, N 1. – P. 14–25.

² Thompson W.R. 1973. The regional subsystem: A conceptual explication and a propositional inventory // International studies quarterly. – New Jersey, 1973. – Vol. 17, N 1. – P. 89–117.

науках среди прочего для описания особых систем политических отношений в ряде средневековых государств Юго-Восточной Азии и Индии. Впервые «модель мандалы» была представлена древнеиндийском политическом трактате «Артхашастра», авторство которого приписывают главному советнику императора Чандрагупта Маурьи (321–297 года д н.э.) – Каутилье. Излагая идеи данного произведения современным языком, мы можем определить мандалу как некую «сферу влияния» правителя, поддерживающего баланс сил и равновесие в том или ином регионе, за счет «политики окружения» и «формирования союзов»¹. «Враг, каким бы сильным он ни был, – утверждается в «Артхашастре», – станет уязвимым, если его окружить своими союзниками»². Следовательно, «политика окружения» – лучший способ укротить вражеские государства и обеспечить собственную безопасность. Эти идеи были весьма востребованы в годы холодной войны, но они и сегодня не теряют актуальности и могут, как утверждает Н.К. Мохапатра, послужить для Индии ключом к разрешению геополитических противоречий в Южной и Центральной Азии. С научной же точки зрения, акцент на культурных и экономических отношениях, отличающий концепцию «регионализма мандалы», дает возможность углубить понимание перспектив интеграции между странами Южной и Центральной Азии с позиции конструктивизма в международных отношениях [с. 5].

Свое видение роли Индии в объединении ИАТУ автор описывает, опираясь на теорию «гегемонистской стабильности» Чарльза Киндлбергера. В соответствии с ней проблемы сотрудничества разрешаются благодаря гегемону, который, будучи наиболее заинтересованным актором, обеспечивает необходимую инфраструктуру (создаёт «общественное благо»), независимо от вклада остальных и превращает взаимодействующие государства в «привилегированную группу». Таким образом, Индия, как

¹ Sarkar B.K. Hindu theory of international relations // The American political science rev. – Cambridge, 1919. – Vol. 13, N 3. – P. 400–414.

² Kautilya. Arthashastra. L.N. Rangarajan (trans.). – New Delhi: Penguin, 1992.

доминирующая держава будущего регионального блока, призвана играть ключевую роль в его экономической интеграции и обеспечивать стабильность взаимодействия.

В следующей части статьи от описания теоретической рамки своего исследования автор переходит непосредственно к «фактуре».

ИАТУ, утверждает Н.К. Мохapatра, с древнейших времен является общим геокультурным пространством [с. 6]. Доказательства данного тезиса можно найти, изучив индийскую мифологию, произведения, созданные величайшим поэтом и драматургом Индии Калидасом, работы ученых, в частности, труды брахмана Бал Гангадхара Тилака. Тесные связи между территориями, где сегодня располагаются Индия, Афганистан, Таджикистан и Узбекистан установились благодаря буддизму, что подтверждают археологические раскопки. В период с конца I до начала III веков на месте этих стран находилось Кушанское царство – одна из четырех наиболее могущественных империй древности. При кушанах началось распространение буддизма из Индии в Центральную Азию и на Дальний Восток [с. 7].

Прочные культурные связи ИАТУ были разрушены после того, как Центральная и Южная Азия подверглись колонизации великих держав: территории современных Таджикистана и Узбекистана отошли Российской империи, Индии – Британской империи. Афганское же государство удостоилось роли «буфера» в русско-британской «Большой игре» Однако даже это размежевание не оборвало связи внутри ИАТУ. Сохранились свидетельства наличия в Кабуле, Самарканде и Бухаре индийских диаспор, представители которых занимались преимущественно торговлей. Так, в частности, упоминания об индийских купцах можно найти в книге офицера-

а Раздел Британской Индии на независимые государства: доминион Пакистан (14 августа 1947 г.) и Индийский Союз (15 августа 1947 г.) привел к

¹Burnes A. Travels into Bokhara. – L.: John Murray, 1854.

разрыву прямых связей внутри пространства ИАТУ. Посредником во взаимодействии Индии с Афганистаном и входившими в состав СССР Таджикистаном и Узбекистаном стала Москва [с. 9]. Только крушение советского строя в 1991 г. и падение режима Наджибуллы в Афганистане побудили Нью-Дели пересмотреть свою политику в отношении Афганистана, Таджикистана и Узбекистана, а также способствовали формированию чувства региональной сплоченности и возрождению идеи о возможности геополитической общности ИАТУ.

К концу XX века Индия столкнулась с рядом вызовов в геополитическом пространстве ИАТУ.

Во-первых, захват власти в Афганистане талибами, поддерживавшими тесные связи с пакистанскими властями, предоставил шанс Исламабаду укрепить свои позиции в Центральной и Южной Азии, одержав победу в борьбе с Индией за влияние в регионе. К тому же, Пакистан перешел к спонсированию деятельности террористических организаций в Индии и странах Центральной Азии, что стало серьезной угрозой национальной безопасности государств ИАТУ.

Во-вторых, вызов потенциальному объединению Индии, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана бросили действия внешних игроков – США, Китая, России, а также Ирана, обладающих своими стратегическими интересами в этой части мира.

Существенно меняет правила игры в регионе Китай, граничащий с тремя странами ИАТУ (за исключением Узбекистана), который в последнее время, по образному выражению Н.К. Мохapatры, «играет мускулами» на евразийском континенте [с. 10]. Основные задачи КНР в пространстве ИАТУ – предотвращение распространения радикализма на свою территорию из Афганистана и получение доступа к минеральным ресурсам центральноазиатских республик. Более глубокое проникновение в Центральную и Южную Азию китайские власти обеспечивают за счет использования механизмов инвестиционного сотрудничества и дипломатии

трубопроводов, которые должны помочь Пекину в реализации проекта «Один пояс и один путь» и ослаблении позиций России в регионе.

Впрочем, Россия, указывает Н.К. Мохapatра, – еще одна держава, имеющая виды на Центральную и Южную Азию. Прежде всего, Москва пытается укрепить сотрудничество с Афганистаном, Таджикистаном и Узбекистаном в сфере безопасности. Оценивать эти усилия следует через призму истории: Таджикистан и Узбекистан входили в состав СССР а, Афганистан с 1979 по 1991 гг. фактически находился под контролем Москвы [с. 11]. Обеспокоенность Кремля вопросами безопасности вызвана прежде всего угрозами, исходящими от сторонников движения «Талибан» в Афганистане и боевиков «Исламского государства» (ИГ), которые также претендуют на влияние в Центральной Азии. С целью ослабить позиции ИГ в Афганистане Москва даже пошла на сближение с талибами, чтобы вбить клин в их отношения с игиловцами. Однако, по мнению Н.К. Мохapatры, сотрудничество России с Талибаном может привести к настоящей катастрофе, пробудив дремлющие террористические организации Центральной Азии: «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)¹, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (ХТИ)², или «Партию исламского возрождения»

¹ «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) – исламистская организация, созданная в 1996 г. бывшими членами ряда запрещённых в Узбекистане политических партий и движений, включая «Адолат уюшмаси», «Исламская партия Возрождения», «Исламская партия Туркестана», «Ислом Лашкарлари» и др. Политическим руководителем движения стал Тахир Юлдашев, руководителем военного звена – Джума Ходжиев. 4 февраля 2003 г. Верховный суд РФ признал организацию террористической и запретил её деятельность на территории России. – *Прим. реф.*

² «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (ХТИ) – международная панисламистская политическая партия, основанная в 1953 г. в Восточном Иерусалиме. Россия признала ХТИ террористической организацией. Государственные органы США относят ХТИ к числу групп, действующих ненасильственными методами, но способствующих распространению экстремистских настроений среди мусульман и, вследствие поддержки антизападной идеологии, потенциально способных оказать идеологическую поддержку терроризму. В Таджикистане и Узбекистане данная организация запрещена. – *Прим. реф.*

(ПИВТ), запрещенную властями Таджикистана в 2015 г.¹ Пока активность этих исламистских организаций сдерживают совместные военные учения России, Таджикистана и Узбекистана [с. 12]. Рост стратегического взаимодействия Москвы, Душанбе и Ташкента свидетельствует о том, что Кремль заинтересован в поддержании своей сферы влияния в центральноазиатском регионе.

Еще одной державой, заинтересованной в сохранении своего присутствия в Центральной и Южной Азии, Н.К. Мохapatра считает США. Вашингтон активно наращивает ВТС и экономические контакты со странами региона, получая таким образом возможность влиять на их внутривластную обстановку, также развивает сотрудничество по линии борьбы с радикализмом и экстремизмом. Основным инструментом США на центральноазиатском направлении является формат взаимодействия с внешнеполитическими ведомствами стран Центральной Азии «С5+1»

(

К

а

з

а

¹ «Партия исламского возрождения» (ПИВТ) – оппозиционная исламистская политическая партия, основанная в 1990 году в Таджикистане. До 2015 г. являлась единственной исламистской партией, официально действовавшей на территории Центральной Азии и всего постсоветского пространства. Признана террористической организацией в Республике Таджикистан и включена в Перечень террористических, экстремистских и сепаратистских организаций Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества. – *Прим. реф.*

² Формат «С5+1», запущенный в ходе первой встречи глав внешнеполитических ведомств стран Центральной Азии и США в Самарканде в ноябре 2015 г., является консультативным механизмом по вопросам улучшения взаимовыгодного сотрудничества его участников в политической, торгово-экономической, инвестиционной сферах, транспортно-коммуникационных, энергетических связей, а также взаимодействия в области предотвращения и противодействия трансграничным угрозам и вызовам. – *Прим. реф.*

и²

з

и

наладить сотрудничество с Кабулом ради ослабления талибов и сдерживания ИДУ, лидер которого – Усман Гази – заявил о присоединении своей организации к «Исламскому государству». В марте 2015 г. в интернете появилось видео, на котором группировка приносит присягу представителю ИГ в провозглашенной провинции Хорасан (вкл. Афганистан и Пакистан). В начале декабря 2017 г. состоялся визит афганского президента Мохаммада Ашрафа Гани в Узбекистан, в ходе которого стороны договорились о создании комиссии по вопросам безопасности, открытии консульства Афганистана в Термезе, строительстве линии электропередачи и железной дороги в Афганистане.

В связи с этим Н.К. Мохapatра поднимает важный вопрос – какую позицию занимает Индия в отношении возможных геополитических сдвигов на евразийском континенте [с. 14]. По мнению автора, посещение премьер-министром Индии Нарендрой Моди центральноазиатских республик и Афганистана в 2015 г. свидетельствует о повышенной обеспокоенности индийского руководства развитием событий в регионе. В ходе своих визитов в Узбекистан, Таджикистан и Афганистан Н. Моди сумел подписать заявления, суть которых, в общем и целом, сводится к обязательствам совместно бороться с террористической угрозой и организованной преступностью. Автор отмечает, что взаимодействие Н. Моди с президентами Узбекистана и Таджикистана на саммите ШОС в Астане в 2017 г. выявило совпадение стратегических интересов трех государств.

Тем не менее развитие отношений Индии с Афганистаном, Таджикистаном и Узбекистаном осложняется действиями России, КНР и США, стремящихся проводить свою политику в регионе. Больше всего автора статьи возмущают «гнусные и недобрые» планы Китая, который, пытаясь создать собственную стратегическую платформу на базе Афганистана, Таджикистана и Пакистана и продвигая инициативу «Один пояс и один путь», меняет геополитический расклад в этой части мира, негативно влияя на безопасность Центральной и Южной Азии. Формированию ИАТУ также

препятствуют застарелые пограничные конфликты между Афганистаном и Таджикистаном, Таджикистаном и Узбекистаном, а также проблема межнационального управления водными ресурсами в Центральной Азии [с.

Все это в совокупности, по мнению Н.К. Мохapatры, требует от Индии проведения прагматичной политики, ориентированной на укрепление связей с Афганистаном, Таджикистаном и Узбекистаном [с. 15]. Автор настаивает на том, что Индии необходимо применить на практике «теорию мандалы», создав собственную сферу влияния в регионе и превратив ИАТУ в региональный союз способный сдерживать вражеские государства, а именно Пакистан и Китай, покровительствующие силам талибов и спонсирующие трансграничный терроризм [с. 15].

Однако создание такого регионального союза станет возможным только при условии формирования институциональной основы взаимоотношений, где помимо геополитического фактора важную роль будет играть фактор геоэкономический [с. 16].

Именно анализом перспектив экономического сотрудничества ИАТУ автор завершает свою статью. Он акцентирует внимание читателя на том, что Афганистан, Таджикистан и Узбекистан богаты минеральными природными ресурсами, и Индия могла бы стать для них выгодным рынком сбыта. Однако до сих пор не было предпринято никаких попыток продвижения регионального экономического сотрудничества. К тому же, между Душанбе и Ташкентом существует водно-энергетический конфликт, а Афганистан в условиях политической нестабильности и слаборазвитой инфраструктуры не может обеспечить стабильность национальной экономики. Тем не менее, если верить Н.К. Мохapatре, Афганистан, Таджикистан и Узбекистан пытаются найти точки соприкосновения в экономической сфере. И в данном контексте именно Индия, по мнению автора, могла бы стать важным партнером трех стран в силу своих бурного экономического и научно-технологического развития, а также богатства человеческими ресурсами [с. 16].

В 2002 г. Индия и Таджикистан подписали соглашение о создании Комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В 2015 г. Н. Моди достиг соглашения с узбекскими властями об открытии в республике особой экономической зоны для индийских компаний и о сотрудничестве в сфере технологий и здравоохранения. С Афганистаном Нью-Дели с 2015 г. осуществляет сотрудничество в сфере гидроэнергетики. Успехи ИАТУ как организации экономического взаимодействия могли бы позволить Индии осваивать природные ресурсы центральноазиатских стран, но главное, подчеркивает Н.К. Мохapatра, подорвать позиции Китая в данном геополитическом пространстве. Автор отмечает, что уже сегодня в Афганистане, Таджикистане и Узбекистане растет недовольство китайской политикой [с. 18]. Намек очевиден – Индия должна этим воспользоваться.

В заключении автор еще раз ставит перед читателем вопрос: «Есть ли будущее у объединения ИАТУ?» [с. 18]. Ответ, по его мнению, напрашивается сам собой: «Конечно, да!». Философские построения Каутильи, ключевые положения концепций К. Дойча, П. Бурдые, Ч. Киндлбергера задают теоретическую рамку институционального сотрудничества стран ИАТУ, а наличие общего геокультурного пространства и выгоды экономических связей заполняют эту рамку практическим содержанием. И хотя странам предстоит серьезно поработать над сближением своих позиций, неформальное взаимодействие на пространстве ИАТУ уже отражает желание соответствующих государств двигаться в направлении региональной интеграции.

Е.А. Карнаухова

**ВЕЛИКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЖАКАРТЫ:
ГИБРИДНАЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ И НЕФОРМАЛЬНОСТЬ**

/ХЕРЛАМБАНГ С., ЛЕИТНЕР Х., ТЮНГ Л.Ю. ШЕППАРД Э., АНГУЕЛОВ Д.¹

Jakarta's great land transformation: Hybrid neoliberalisation and informality/
HERLAMBANG S., LEITNER H., TJUNG L., SHEPPARD E., ANGUELOV D.
// Urban studies – Urban studies journal limited. – L., 2018 – P. 1–22.

Ключевые слова: неолиберальный урбанизм; мегапроекты в сфере недвижимости; трансформация городов.

Проанализировав инициированные «сверху» преобразования мегаполиса Джакарта, включающие крупномасштабные проекты развития частного сектора в центральных городских и пригородных районах,

Сурионо Херламбанг и Лионг Ю. Тюнг (Университет Таруманагара, Индонезия), в соавторстве с исследователями из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (США) Хельгой Лейтнер, Эриком Шеппардом и Димитаром Ангуэловым анализируют влияние, которое оказывает выбор Индонезии в пользу неолиберализма на трансформацию паттернов градостроительства в Джакарте. В фокусе исследования – инициированные «сверху» преобразования столичного мегаполиса, включающие крупномасштабные проекты развития частного сектора в центральных городских и пригородных районах.

Авторы подчеркивают, что на практике неолиберализм никогда не приближается к тому идеалу свободного, саморегулирующегося капиталистического рынка, где государству отведена роль «ночного сторожа», который превозносят самые рьяные адепты данной системы, (начиная с Фридриха фон Хайека и заканчивая Маргарет Тэтчер). Глобальный по своему охвату неолиберализм на самом деле демонстрирует бесконечную вариативность своих форм, траекторий развития и гибридных

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2019. – № 2. – С. 54–58.

сочетаний. Однако, рассматривая неолиберализацию как социально и темпорально обусловленный процесс, эксперты подчеркивают, что этот процесс, в свою очередь, генерирует сообщества, которые в дальнейшем начинают влиять на ход общественно-политического развития. Применительно к сфере городских земельных преобразований неолиберальные реформы способствуют формированию не только новых пространств, но и новой бизнес-среды, а, следовательно, новых элит, амбиции которых выходят за пределы девелоперской деятельности. Складывается неформальный сектор экономики, влияние которого на государственных акторов признают все эксперты. Признают, вне зависимости от того, интерпретируется ли этот сектор как социально-приемлемый механизм снижения издержек на фоне выхода конкуренции на глобальный уровень, или, напротив, рассматривается в контексте полной или частичной нелегальности, направленной на уход от регулирующих государственных ограничений.

В статье приводится краткая историческая справка, которая дает представление о специфике перехода Индонезии на неолиберальные рельсы. Начало этого процесса авторы относят к 1980-м годам, рассматривая в качестве значимого внешнего стимула политику США, где с избранием Рональда Рейгана президентом страны окончательно победила неолиберальная революция. Индонезия пошла по пути Южной Кореи, Малайзии и Тайваня, сочетая макроэкономический неолиберализм с дирижизмом¹ и ставкой на развитие экспорта. В результате сформировалась

¹Дирижизм – это политика активного вмешательства государства в экономику, основанная на теории французского экономиста Ф. Перру о принципах индикативного (рекомендательного) государственного планирования по наиболее важным направлениям развития экономики. Для индикативного планирования было характерно применение прямых методов вмешательства государства в экономику – контроль над ценами, широкая кредитная деятельность, эмиссия ценных бумаг, активная

целая бизнес-империя под руководством семьи Сухарто и приближенных к ней представителей власти. Крупный бизнес и военные реализовывали грандиозные проекты в реальном секторе экономики, при этом в фокусе их политических и деловых инициатив находилась преимущественно Джакарта. Внеся поправки в аграрный закон от 1960 г., Сухарто предоставил возможность отдельным бизнес-конгломератам получить в свое распоряжение территории, ранее недоступные для застройки, что вызвало недовольство населения. К 1990-м годам вопросы землепользования и земельных отношений стали поводом для конфликта в отношениях власти и общества. Азиатский финансовый кризис 1997 г. и последующее свержение «отца развития Индонезии» спровоцировали принятие закона о децентрализации (2001), который предполагал частичную передачу власти провинциям. Это создало определенные трудности бывшим ставленникам Сухарто, однако, выросшая при нем олигархия не утратила своих позиций полностью; она осталась значимым элементом политической системы страны. Одновременно децентрализация заложила основу для новой жизнеспособной бизнес-культуры за пределами провинции Ява, которая стала складываться к концу первого десятилетия XXI в. В самой Джакарте уже к началу 2000-х гг. сформировался представительный слой среднего класса. Все это в совокупности способствовало росту спроса на недвижимость [с. 5].

В результате проведенного исследования авторы статьи выделили три периода в соответствии с различиями в характере изменения городского ландшафта Джакарты. Первый период, который обозначен в статье как «новый порядок», связан с переходом от авторитарного национализма к неолиберализму. На данном этапе подвергается реструктуризации законодательная база, идёт активное привлечение иностранного, в первую

предпринимательская деятельность государства, владевшего значительной частью промышленных и транспортных предприятий, и др. – *Прим. реф.*

очередь, китайского капитала; запускается механизм дерегуляции со стороны государства, позволяющий частным банкам функционировать наравне с государственными; поощряется развитие пригородных районов за счет строительства там крупных торговых центров. При этом многие спорные вопросы решаются за счет неформальных связей девелоперов с семьей Мухаммеда Сухарто, что негативно отражается на экономической эффективности проектов. После азиатского финансового кризиса, когда задолженность подобного рода фирм многократно возрастает, рынок девелопмента фактически рушится. Попытки властей спасти от банкротства крупных застройщиков в большинстве своем терпят неудачу [с. 10].

Новую политику градостроительства, к которой власти перешли после ухода Сухарто, авторы обозначают словосочетанием «демократический неолиберальный урбанизм». Они утверждают, что период ее имплементации (1998-2006) был временем минимальных инвестиций в строительство в новых пригородах. Пытаясь помочь застройщикам преодолеть последствия финансового кризиса, власти сфокусировались на развитии торговых центров в Джакарте. Предполагалось, что двигателем роста экономики станет потребление. По инициативе вице-президента Юсуфа Калла были запущены два новых строительных проекта – «Миллион Домов» (2003) и «1000 Башен» (2006), но они просуществовали недолго. Тем не менее, программа «1000 Башен» дала импульс строительству в задыхающейся от пробок Джакарте больших кварталов, закрытых для въезда автомобилей [с. 12].

Третий период – установление «масштабированного неолиберального урбанизма» – длится с 2007 г. по настоящее время; для него характерны возвращение на рынок крупных застройщиков, расширение инвестиционной емкости отрасли (в том числе – за счет привлечения иностранного капитала), стремление к многофункциональности и разнообразию путем внедрения концепции «суперблоков» (совмещения магазинов, офисов, индивидуального жилья и апартаментов в одном укрупненном квартале с

безопасным внутриквартальным пешеходным движением) [с. 3]. Последний тренд обозначился еще в 1980-м г., но доминантной моделью развития градостроительства в Индонезии он стал с начала 2007 г. Отличительной чертой «суперблоков» Джакарты является связь названий кварталов с городами или знаковыми местами США (Например, «Orange County – the New California City»). Такая «подача» сообщает столице Индонезии статус мегаполиса, стремящегося к западным стандартам [с. 17]. Авторы особо подчеркивают благотворное влияние иностранного капитала на третьем этапе. Среди крупных инвесторов выделяются китайские, японские, сингапурские и тайваньские фирмы, которые доминируют на рынке недвижимости Индонезии в настоящее время [с. 18].

Подводя итог, коллектив авторов выделяет три основные характеристики, определившие траекторию развития современной городской среды в Джакарте. Во-первых – влияние получившего поистине глобальное распространение неолиберального урбанизма. Во-вторых – гибридный политический режим Индонезии, сочетающий элементы институциональной демократии и авторитарной практики, при котором неформальные элитарные группы, связанные с госчиновниками, обладают особыми привилегиями в плане ведения бизнеса. В-третьих, – обширная доля иностранного капитала на рынке недвижимости [с. 19].

А.А. Лазарев.

ОППЕРМАНН К., БИЗЛИ Р., КААРБО Д. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА: ПОТЕРЯТЬ ЕВРОПУ И НАЙТИ НОВУЮ РОЛЬ.

OPPERMANN K., BEASLY R., KAARBO J. British foreign policy after Brexit: Losing Europe and finding a new role // International relations. – 2019. – 17 July. <https://doi.org/10.1177/0047117819864421>

Ключевые слова: Брекзит; внешняя политика Великобритании; ролевой конфликт; теория ролей.

Вследствие решения выйти из Европейского союза Великобритании придется пересмотреть свою внешнюю политику. Без членства в Евросоюзе страна теряет центральную составляющую своей внешнеполитической стратегии, и это грозит кардинальными переменами на международной арене, в целом.

Опираясь на теорию ролей, Кай Опперманн (Хемницкий технический университет, Германия), Райан Кай Бизли (Сент-Эндрюсский университет, Великобритания) и Джульет Каарбо (Эдинбургский университет, Великобритания) анализируют попытки Великобритании выстроить свою новую внешнеполитическую стратегию. Они считают, что стремление «вернуть контроль», озвученное в ходе кампании «Vote Leave», не было оформлено в таковую. На современном этапе действия Соединенного Королевства на международной арене носят хаотичный характер и сочетают в себе элементы несовместимых ролей, что может усугубить негативные последствия Берекзита для страны.

В рамках теории ролей государства рассматриваются в качестве акторов, действующих по определенному сценарию. Предметом исследования является то, как государства (эго) определяют и меняют свои роли, и как другие международные акторы (альтер) пытаются влиять на государства и социализировать их в поисках новых ролей.

Отдельного рассмотрения заслуживает конфликт ролей в международных отношениях. В ходе своего исследования авторы акцентируют внимание на двух ключевых конфликтах. Первый – конфликт, возникающий между эго и альтер в отношении специфичных ролей, которые на себя может принимать эго. Второй конфликт возникает в случае, когда эго стремится играть две или более частично несовместимые роли, из-за чего внешняя политика становится фрагментированной и непоследовательной. Эти два типа конфликта и их влияние на Великобританию разбираются в данной статье.

Великобритания заявила, что выход из ЕС расширил, а не сузил набор тех внешнеполитических функций, которые она может выполнять в силу вновь обретенного суверенитета. В настоящий момент в распоряжении Великобритании находится следующий реестр ролей: глобальное торговое государство, великая держава, верный союзник США, региональный партнер ЕС и глава Содружества [с. 5].

Приоритетным направлением внешнеполитической деятельности правительства Великобритании после референдума стало создание условий для предотвращения изоляции страны, ведь именно в этом ключе о Брексите отзывались европейские комментаторы. Чтобы избежать этой участи, официальный Лондон опроверг предположения о том, что теперь он будет концентрироваться исключительно на внутренних проблемах. Еще в ходе кампании «Vote Leave» евроскептики презентовали выход из ЕС как возможность избавиться от «европейских оков», навязанного изоляционизма внутри ЕС и возродить «глобальную идентичность страны». Более того, в ходе своего первого визита в ООН Борис Джонсон, будучи министром иностранных дел Соединенного Королевства, заявил, что между политикой Дональда Трампа «Америка превыше всего» и Брекситом есть существенная разница. Министр внешней торговли Лиам Фокс назвал необоснованными прогнозы прихода Соединенного Королевства к изоляционизму. Аналогичные высказывания последовали от Терезы Мей, занимавшей тогда пост премьер-министра. Таким образом правительство Великобритании пыталось развеять впечатление о том, что Brexit тождественен идее «маленькой Англии» и уклону в изоляционизм. Однако, если исключить изоляцию, вопрос о будущей роли Соединенного Королевства остается открытым.

По мнению авторов, после референдума Великобритания также прилагала постоянные усилия для того, чтобы поддержать претензии на роль глобального торгового государства. Эта роль предполагает, что Великобритания является лидером внешней политики, либерализма и

интернационализма в глобальной свободной торговле. В связи с этим британское правительство представило идею «Глобальной Британии» (Global Britain), которая должна быть реализована после Брекзита [с. 6]. Выход из ЕС был представлен как возможность для страны стать «внешне более привлекательной, чем когда-либо»¹ и «занять новую лидирующую роль в качестве самого сильного защитника бизнеса, свободных рынков и свободной торговли в любой точке земного шар»².

Тем не менее, подчеркивают авторы, несмотря на потенциал Великобритании, позиция других международных акторов в отношении ее права занять эту роль остается скептической. Многие партнеры по переговорам уже не раз говорили о том, что, выбирая между Соединенным Королевством и ЕС, приоритет в торговле они отдадут последнему. Помимо этого, проблемным является вопрос членства во Всемирной торговой организации (ВТО). Великобритания не сможет оставаться в организации на тех же условиях, что в период бытности частью ЕС, и ей придется столкнуться с их «мучительным» пересмотром. Аналогичной позиции придерживаются не только международные организации, такие как Международный Валютный Фонд (МВФ), но и ближайшие партнеры Соединенного Королевства по торговле – США и Канада [с.7].

К сожалению, попытки наладить торговые отношения со странами, не входящими в ЕС, до настоящего времени также были безуспешными, поскольку пока Великобритания остается членом Евросоюза, вести самостоятельную торговую политику и заключать собственные торговые соглашения она не может. В свою очередь, зарубежные партнеры также не решаются на такой шаг ввиду неопределенности будущего Соединенного

¹ May T. The government's negotiating objectives for exiting the EU». – 2017. – 17 Jan. Mode of access: <http://www.gov.uk/government/speeches/the-governments-negotiating-objectives-for-exiting-the-eu-pm-speech> [Accessed: 25.12.2019.]

² May T. Speech to the World economic forum in Davos. – 2017. – 19 Jan. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/davos-2017-prime-ministers-speech-to-the-world-economic-forum> [Accessed: 25.12.2019.]

Королевства в целом. Попытки зондирования почвы на предмет потенциальных торговых соглашений были предприняты британской стороной в отношении Китая, Японии и Канады, однако представители Соединенного Королевства не могли предоставить своим потенциальным партнерам ничего кроме самых общих деклараций. Попытки же вести переговоры по линиям, намеченным в рамках ЕС, ставят под сомнение действительную ценность расширенного суверенитета и реальность осуществления стратегии глобального торгового государства. Единственным актором, позитивно настроенным на заключение двустороннего торгового соглашения с Великобританией, стали США. Таким образом, заключают авторы, стране все еще не хватает независимости, чтобы реализовать искомую роль на данном этапе.

Третья роль, на которую, по мнению Опперманна, Бизли и Каарбо претендует Великобритания – это роль великой державы. Несмотря на то, что, как и предыдущая, она глобальна, по сути, есть существенное отличие: акцентируется не торговое измерение, а уровень военной мощи, наличие экономических и институциональных ресурсов, а также особых прав и обязанностей, которые эти ресурсы предоставляют [с. 8]. Для реализации данной роли за последние годы Великобритания увеличила многократно свое присутствие в разных регионах, например, к востоку от Суэцкого канала (в частности, в Бахрейне и в Персидском заливе), а также провела совместные учения с Японией и Южной Кореей. В дополнение к этому, британское правительство сфокусировало внимание на мягкой силе, которая основывается на таких ценностях как демократия, свобода и верховенство права, а также распространенности английского языка, популярности британских музеев и рейтинговых показателей британских университетов. Тем не менее, международные акторы не разделяют энтузиазма Соединенного Королевства и на этот счет. Напротив, они считают, что Брекзит уменьшит влияние Великобритании на мировой арене. Ярким примером, иллюстрирующим справедливость этого тезиса, может служить

провальная попытка Великобритании заручиться поддержкой Генеральной Ассамблеи ООН при выдвижении собственного кандидата на пост судьи в Международный Суд. Впервые за историю Суда страна не получила места в его составе. В целом, можно говорить о том, что претензии Соединенного Королевства на статус великой державы находятся в противоречии с ролями, занимаемыми другими международными акторами.

В статье также рассматривается перспектива становления Великобритании региональным партнером ЕС. Эта роль противопоставляется изоляции и предполагает формирование «более глубокого и особенного сотрудничества как в экономической области, так и в области безопасности¹». Иными словами, Великобритания рассчитывает заключить с Евросоюзом «новый союз» или «стратегическое соглашение». Со стороны Соединенного Королевства кажется, что Брекзит не является препятствием этой перспективе, а напротив подталкивает к ней. На самом же деле, все зависит от того, по какому сценарию будет развиваться Брекзит. На данном этапе можно сказать, что Великобритания вела переговоры с более слабой позиции, чем ЕС, собственно, как и то, что большая часть затрат будет с ее стороны. Приоритетным направлением деятельности Евросоюза является поддержание внутреннего единства, а не выстраивание партнерских отношений со страной, захотевшей «развода». Результат переговоров призван отбить у всех стран-членов желание последовать примеру Соединенного Королевства. Таким образом, любое соглашение с Великобританией должно предоставлять ей априори худшие условия, чем полноценное членство в ЕС. Принимая во внимание взгляды на Брекзит в Евросоюзе и нацеленность на поддержание европейской интеграции, возможности Великобритании в плане реализации роли регионального партнера весьма ограничены [с.10].

¹ May T. Prime minister's letter to Donald Tusk triggering Article 50. – 2017. – 29 March. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/prime-ministers-letter-to-donald-tusk-triggering-article-50> [Accessed: 25.12.2019.]

Авторы также анализируют потенциал использования модели поведения, не завязанной на взаимоотношениях с Европой – лидер Содружества (Leader of the Commonwealth). Эта роль предполагает модернизацию исторических связей Британии с Содружеством и превращение его в центр более широких дипломатических и экономических отношений страны. Речь идет о создании некоего альянса англоязычных стран [с.10]. Приоритетным направлением становится установление свободной торговли с такими странами, как Канада, Австралия и Новая Зеландия. Эта роль согласуется с усилиями, которые были предприняты до референдума с целью вернуть Содруеству центральное место в британской внешней политике.

После референдума правительство активизировало эти усилия посредством официальных визитов в ряд стран Содружества, включая Австралию, Индию, Канаду, Кению, Новую Зеландию, Нигерию и Южную Африку. Эти в значительной степени символические жесты свидетельствуют о растущем значении вышеперечисленных стран для официального Лондона. Однако попытки выстроить более глубокие взаимоотношения со странами Содружества скорее напоминают политику неокOLONиализма. Вдобавок и сами страны беспокоятся, что их отношения с Соединенным Королевством могут негативно сказаться на взаимодействии с ЕС. Таким образом, мы вновь приходим к выводу, что данном этапе позиция Великобритании относительно слаба и, в целом, противоречит интересам потенциальных партнеров, а значит, доступность роли «лидера Содружества» находится под большим вопросом.

Наконец, последняя роль, на которую претендует Великобритания – верный союзник США – достаточно ограничена по своему охвату. Соединенное Королевство, за счет привязки к США, стремится укрепить свое влияние на международной арене. Примечательно, что и в Вашингтоне поддерживают стремление Лондона укрепить двусторонние отношения, несмотря на обеспокоенность многих снижением влияния Великобритании

на ЕС после Брексита, влияния, которое всегда было крайне значимо для Белого дома.

Тем не менее, несмотря на одобрение результатов референдума администрацией Трампа и специфику отношений между двумя странами, есть два основных момента, которые мешают полноценной реализации данной роли. В первую очередь, политика «Америка превыше всего» и экономический национализм не позволяют с уверенностью говорить об устойчивости дружественного внешнеполитического курса. Во-вторых, эта роль встречает сопротивление и внутри самого Соединенного Королевства, особенно после войны в Ираке 2003 г. и подкрепляется непопулярностью президента Трампа среди британской общественности.

Авторы приходят к выводу, что Великобритания, отойдя от Европы, все еще не знает, какой стратегии придерживаться и какую роль она спроецировать на себя. Брекзит создал определенный «ролевой кризис». Проблема заключается не только в том, что все роли, которые Соединенное Королевство стремится играть, частично противоречат друг другу, но также в том, что интересы других мировых акторов не коррелируют с данными ролями. И если первое обстоятельство обусловило непоследовательность внешней политики страны, то второе – вынуждает ее идти по пути наименьшего сопротивления, а таких перед Великобританией всего два: сближаться с США или изолироваться. Хотя Брекзит может укрепить суверенитет Великобритании, в области внешней политики значимого продвижения в направлении обретения реального суверенитета пока не наблюдается.

А.А. Вернигора

БИЗЛИ Р.К., КААРБО ДЖ. КАСТИНГ НА РОЛЬ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ-КАНДИДАТА В РАМКАХ РЕФЕРЕНДУМА О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ¹

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.

BEASLEY R.K., KAARBO J. Casting for a sovereign role: Socialising an aspirant state in the Scottish independence referendum // *European journal of international relations*. – 2017. – Vol. 24, N. 1. – P. 1–25.

Ключевые слова: теория ролей; референдум; независимость Шотландии; социализация; суверенитет; Великобритания.

Британские ученые Райан Кай Бизли (Сент-Эндрюсский университет, Великобритания) и Джульет Каарбо (Эдинбургский университет, Великобритания) ставят перед собой задачу изучить процессы подготовки и проведения референдума о независимости в Шотландии в 2014 г., оценив его влияние на международную политику [с. 3].

Анализируя развитие регионального сепаратизма в Великобритании, исследователи пришли к выводу, что современные общественные науки не уделяют должного внимания такому феномену, как «до-социализация» (pre-socialisation). «До-социализация» определяется авторами в качестве процесса осмысления сущности и ценности суверенитета государством-кандидатом через принятие ролей, которые могут гипотетически возникнуть в случае получения независимости, и усвоение определенных норм поведения, свойственных независимым государствам. Воспринимаемые роли в данном контексте рассматриваются как «модели поведения, ответы на внешние вызовы, ориентированные на действия других акторов»¹. Успешное прохождение данного этапа выступает необходимым условием стабильного функционирования системы государственной власти после сецессии региона. Р.К. Бизли и Дж. Каарбо утверждают, что в современном мире государства образуются путем реформирования уже существующих, поэтому социализация происходит до того, как государственное образование

Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2019. – № 4. – С. 115–118.

¹ Thies C.G. State socialization and structural realism // *Security studies*. – L., 2010. – Vol. 19, N.4. – P. 689–717.

официально получит признание мирового сообщества. Таким образом, до-социализация лежит в основе суверенных государств [с. 4–5].

В рамках теории до-социализации исследователи выделяют три измерения понятия «суверенитет». Во-первых, суверенитет определяется ими как особая роль, которая подразумевает понимание сути независимости, ее ценности и значения. Иными словами, это процесс социального взаимодействия, общественного обсуждения необходимости получения независимости. Во-вторых, суверенитет представляет собой комплекс внешнеполитических ролей, которые актер может обрести, если произойдет сецессия. Составляющими этого комплекса выступают обязанности гипотетического государства, его положение на международной арене. В-третьих, рассматривается влияние международного сообщества на процесс становления суверенного государства.

Предваряя описание референдума Шотландии 2014 г., Р.К. Бизли и Дж. Каарбо отмечают преимущества обращения к теории до-социализации при исследовании специфики становления новых независимых государств. Она позволяет рассмотреть государственный суверенитет в его различных ипостасях, выстроить модели поведения не только страны-кандидата, но и других, вовлеченных в процесс участников международных отношений. При этом снимаются ограничения нормативного подхода [с. 6–9].

В статье подчеркивается, что референдум в Шотландии был уникальным, абсолютно законным шансом для Эдинбурга за триста лет союза с Англией получить полную свободу. Сторонники отделения рассматривали суверенитет как социально-политическую ценность, необходимое условие для построения более справедливого государства¹. Однако при этом движение «Да, Шотландия!» («Yes Scotland») ставило под сомнение ценность самого понятия государство. Утверждалось, что в

¹ Salmond A. Scotland should be independent // The Washington post. – Wash., 2012. (7.12). – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/why-an-independent-scotland-deserves-us-support/2012/12/07/694ba79a-3a4a-11e2-8a97-363b0f9a0ab3_story.html?utm_term=.b2ba3172e654 [Accessed 05.05.2019.]

современном мире ключевую роль играет глобализация, приводящая к «размыванию» национальных границ и унификации общества. Соответственно, предполагалось, что в недалеком будущем концепт «государство» станет достоянием прошлого. Шотландии же предписывалось как можно скорее присоединиться к этим процессам. На логичный вопрос о необходимости отстаивания своего суверенитета в подобных условиях, приверженцы независимости не могли ответить на него.

В то же время их оппоненты, представители движения «Лучше вместе» заявляли, что вожаемая независимость чревата серьёзными рисками, главным образом в экономической сфере.

Большое количество споров вызвала тема внешнеполитической роли независимой Шотландии. Так, противники независимости утверждали, что новое государство еще долго не сможет стать полноправным участником международных отношений. По их мнению, Шотландии грозила судьба страны-изгоя в Европе и в мире, ведь договоренности об автоматическом продления ее членства в ЕС и НАТО в случае разрыва с официальным Лондоном достигнуты не были. Сторонники независимости, напротив, подчеркивали, что суверенитет позволит их государству влиять на международные отношения. Первый министр Шотландии (16 мая 2017 г. – 19 ноября 2017 г.), лидер движения «Yes Scotland» Алекс Салмонд заявил, что целью сепсессионистов является «свободный, демократический мир», где его стране была бы отведена важная роль носителя ценностей либерализма и пацифизма [с. 10–13].

Вопрос независимости Шотландии вызвал огромный ажиотаж мирового сообщества. Все европейские лидеры выразили озабоченность исходом референдума, но все же признали его легитимность. Так Франк-Вальтер Штайнмайер, бывший на тот момент министром иностранных дел ФРГ, заявил, что единая Великобритания является более предпочтительным вариантом союзника для Германии, чем разделенная. Однако, по его словам, Берлин был готов принять любой выбор шотландцев. Министр иностранных

дел Испании Хосе Мануэль Гарсия-Маргальо заявил, что независимость Шотландии подрывает единство ЕС и угрожает экономической стабильности союза [с. 14]. Он подчеркнул риск «балканизации Европы», которая могла бы выразиться в повсеместной сецессии нестабильных областей и, в худшем случае, привести к роспуску ЕС. Даже Франция, традиционный конкурент Великобритании, выразила недовольство референдумом. Правительство Пятой республики озаботилось вопросом вывода ядерных вооружений из Шотландии в случае победы сторонников независимости. Ведь весь ядерный потенциал Великобритании размещен на подводных лодках, единственным местом базирования которых является база Клайд в Шотландии [с. 15]. Похожие позиции выразили остальные руководители государств Евросоюза [с. 14]. Важно отметить, что все без исключения лидеры не давали никаких гарантий сторонникам независимости в отношении автоматического продления членства Шотландии в общеевропейских организациях и союзах. Позиция США была столь же однозначной. Вашингтон опасался потери сильного союзника в Европе и нарастания напряженности в регионе. Барак Обама заявил, что только единая Великобритания может быть сильным, процветающим государством [с. 15].

Авторы подчеркивают, что в ходе подготовки референдума темы национализма, исторической судьбы и травматического опыта прошлых лет практически не поднимались. Все внимание было сосредоточено на том, какие роли будут играть Англия и Шотландия в случае после успешного отделения последней, как будут решаться экономические проблемы и выстраиваться хозяйственные связи.

По мнению Р.К. Бизли и Дж. Каарбо, несмотря на результаты референдума (55,3% избирателей проголосовали против независимости), точку в дискуссии о суверенитете Шотландии ставить пока рано. Виной тому – Брекзит. Ожидать нам всем нового референдума или нет – зависит от внутренней политики Великобритании и последствий выхода страны из ЕС. Однако очевидно, что сторонников у идеи независимости Шотландии

прибавилось, ведь теперь все доводы движения «Лучше вместе» об опасности остаться за бортом единой Европы утрачивают смысл. Так или иначе, повторная заявка Шотландии на проведение еще одного референдума станет началом нового этапа до-социализации, однако проходить она будет в совершенно иных политических условиях [с. 16].

Подводя итоги статьи, авторы делают следующие выводы:

Концепция «социализации государства» является важной составляющей теории международных отношений. Обращение к этой концепции с необходимостью влечет за собой изучение механизмов поддержания общественных ролей.

До-социализация как процесс включает в себя использование механизмов поддержания системы в целом и способствует вхождению в нее новых акторов без серьезных сбоев в отлаженном взаимодействии.

Понятие «до-социализации» позволяет увидеть связь между суверенитетом и освоением ролей в процессе развития и становления государства. В ходе до-социализации конституируются основные роли, необходимые для функционирования нового независимого государства; раскрывается смысл суверенитета через выявление отношения к нему различных акторов; определяется специфика взаимовлияния участников международных отношений [с. 17–18].

К.О. Фоменко

ИВАЛЬДИ Ж. ИСПЫТАНИЕ ЕВРОСОЮЗА В КРИЗИСНЫЕ ВРЕМЕНА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ И ПОЛИТИКА ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА ВО ФРАНЦИИ¹.

IVALDI G. Contesting the EU in times of crisis: The Front National and politics of euroscepticism in France // Politics. – 2018. – Vol. 38, N 3. – P. 278–294.

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2019. – № 2. – С. 95–100.

Ключевые слова: кризисы ЕС; евроскептицизм; Национальный фронт; популизм; правые радикалы.

В своей статье Жиль Ивальди (Университет Ниццы София Антиполис, Франция), анализируя изменения в саморепрезентации «Национального фронта», раскрывает механизм взаимосвязи между кризисами в ЕС, правым радикализмом, евроскептицизмом и партийной конкуренцией.

По мнению Ж. Ивальди, за прошедшее десятилетие Евросоюз существенно пострадал от трех кризисов: финансового, кризиса беженцев и Брекзита. Эти кризисы создали новые условия для партийной конкуренции в странах-членах ЕС, поспособствовав повышению уровня политизации европейских вопросов и росту пессимизма в отношении будущего Евросоюза.

Автор считает, что популистские праворадикальные партии, утверждающие приоритет национальных интересов, традиционно выступают движущей силой в рядах противников европейской интеграции. Выбор французского «Национального фронта» (далее – НФ) в качестве объекта исследования обусловлен тем, что данная партия не только послужила прототипом западноевропейских праворадикальных партий, но и продемонстрировала своим развитием яркий пример политизации проблем ЕС в контексте предвыборной борьбы [с. 279].

На сегодняшний день НФ остается ведущей праворадикальной партией на политической сцене страны и главным ретранслятором евроскептических настроений во французском обществе. Сторонники НФ последовательно выступают за восстановление суверенитета Франции, возврат к «Европе наций» – Европе старых, больших народов, унитарных государств, централизованных или частично децентрализованных [с. 280].

Периферийные партии, с точки зрения Ж. Ивальди, используют евроскептический курс для дистанцирования от «традиционных партий» (established parties) с целью привлечения электората. В случае с НФ это

проявляется в стратегии «де-демонизации» (de-demonization)¹, которая позволяет ему позиционировать себя как независимого актора партийной системы и, в конечном счете, добиваться высоких результатов на выборах, играя на противоречиях между сторонниками и противниками ЕС [с. 281].

В работе рассматривается развитие евроскептической риторики НФ с начала 2000-х годов. Выводы исследования опираются на контент-анализ программных документов НФ и публичных выступлений партийных лидеров за период с 2002 по 2017 года [с. 282].

Ж. Ивальди подчеркивает, что под воздействием кризисных явлений критика НФ в отношении Евросоюза ужесточилась, однако, не столь значительно, как этого можно было бы ожидать (См.: Таблицу 1) [с. 283].

Таблица 1. Позиция в отношении ЕС и частота употребления слов, связанных с проблемами ЕС, в предвыборных программах кандидатов от НФ в президенты Франции (2002–2017)

Год	2002	2007	2012	2017
Лидер	Жан-Мари Ле Пен	Жан-Мари Ле Пен	Марин Ле Пен	Марин Ле Пен
Позиция в отношении ЕС				
Пересмотр европейских договоров	Прекращение действия всех договоров ЕС	Переговоры со странами-членами ЕС о радикальном изменении договоров ЕС	Апелляция к статье 50-й Лиссабонского договора ² для пересмотра договоров ЕС	Переговоры с целью восстановления суверенитета над валютой, границами и экономикой.
Европа независимых наций	Да	Да	Да	Да

¹ Под «де-демонизацией» автор подразумевает нахождение праворадикальным НФ баланса между сохранением своего ядерного электората и внедрением партийных представителей в официальные госструктуры. – *Прим. реф.*

² Формально запускает процедуру выхода из Евросоюза – *Прим. реф.*

Национализировать CAP ¹	Да	Не упоминается	Да	Да
Выход из Шенгенского соглашения	Да	Да	Восстановить национальный суверенитет над границами	Да
Выход из еврозоны	Да	Реформа Европейского центрального банка (ЕЦБ), возврат к французскому франку в случае институционального тупика	Евро в качестве общей валюты наряду с франком. Референдум по поводу единой валюты	Восстановление национального суверенитета над валютой
Выход из ЕС	Покинуть ЕС незамедлительно	Референдум по поводу членства Франции в ЕС	Использование статьи 50-й Лиссабонского договора для пересмотра договоров ЕС	Референдум по поводу членства Франции в ЕС в течение шести месяцев
Частота употребления слов, связанных с проблемами ЕС				
Общий размер документов (число слов)	108424	30809	6876	6054
Количество слов о ЕС	13571	3417	964	641
% слов о ЕС	12,5	11,1	14	10,6

Кроме того, Ж. Ивальди приходит к выводу, что стабильная антиевропейская платформа позволила НФ встроить обсуждение последствий европейских кризисов в свой политический дискурс. Так в ходе президентских кампаний 2002 и 2007 гг. первостепенное внимание уделялось традиционным проблемам, связанным с иммиграцией, тогда как в 2012 и 2017 гг. на передний план вышли вопросы евроинтеграции. В 2012 г. в условиях финансового кризиса и строгой экономии НФ связал критику ЕС с проблемами покупательной способности, безработицы, госдолга и пенсий.

¹ CAP (Common Agricultural Policy) – Единая сельскохозяйственная политика Европейского союза. – *Прим. реф.*

В 2017 г., желая получить электоральные преимущества в контексте кризиса беженцев, очередного всплеска исламистского терроризма и Брекзита, партия выстроила свою предвыборную риторику вокруг традиционных антииммигрантских лозунгов (в том числе требования выйти из Шенгенского соглашения), обещаний значительно сократить число беженцев и провести референдум по поводу членства в ЕС.

Несмотря на достижение локальных успехов на отдельных треках, евроскептический курс подрывает доверие общественности к НФ и мешает партии добиться принципиально значимого расширения своей электоральной базы, что не вписывается в стратегию «де-демонизации». НФ все еще не может избавиться от образа изгоя партийной системы страны и получить поддержку умеренных избирателей [с. 286].

Ж. Ивальди сопоставляет степень влияния каждого из трех европейских кризисов – беженцев, финансового и Брекзита – на правые и левые политические партии Франции (См. Таблица 2).

Таблица 2. Влияние кризисов ЕС на партийную систему

Партии	Кризисы ЕС		
	Финансовый	Кризис беженцев	Брекзит
Левые	Сильное	Умеренное	Ограниченное
Правые	Ограниченное	Сильное	Умеренное

В качестве примеров сильного воздействия на партии, принадлежащие к противоположным частям политического спектра, Ж. Ивальди выделяет последствия финансового кризиса для левых партий и кризиса беженцев для правых сил. В обоих случаях кризисы привели к внутрипартийным разногласиям в отношении допустимых механизмов разрешения обозначившихся проблем, а также к успеху на выборах новых политических игроков, сумевших воспользоваться недовольством общественности.

Автор утверждает, что противоречивая политика Ф. Олланда в условиях экономического упадка спровоцировала раскол в «стане социалистов», что обусловило заражение идеями евроскептицизма (такими, например, как экономический протекционизм или мораторий на действие европейского Пакта стабильности и роста) отдельных участников президентских праймериз Социалистической партии [с. 287]. Последствия финансового кризиса также объясняют стремительный рост позиций Жан-Люка Меланшона (11,1% и 19,6% голосов на президентских выборах в 2012 и 2017 гг. соответственно), евроскептическая программа которого содержит призывы бороться с «капиталистической» природой ЕС.

На правом фланге политического спектра кризис беженцев привел к усилению существовавших разногласий по поводу иммиграционной политики ЕС. Ж. Ивальди обращает внимание на праймериз Республиканской партии в ноябре 2016 г., в ходе которых Н. Саркози и Ф. Фийон предложили реформировать Шенгенское соглашение и ограничить доступ иностранцев к социальным выплатам [с. 288].

Умеренное воздействие проявилось в переменах в поведении и дискурсе политических игроков, а также в ограниченных изменениях политического курса. Например, в разгар кризиса беженцев иммиграционная политика ЕС стала предметом ожесточенного спора двух кандидатов в президенты от Социалистической партии: М. Вальса, ратовавшего за отказ от приема беженцев, и Б. Амона, отстаивавшего идею предоставления убежища для всех.

Традиционная борьба НФ и левых за голоса рабочих обрела особую остроту на выборах 2017 г., так как часть электората социалистов перешла на сторону М. Ле Пен на фоне страхов, порожденных кризисом беженцев. Отметим, что республиканцы также активно использовали антиевропейские лозунги в качестве средства поддержания своей привлекательности среди избирателей, недовольных ЕС [с. 289].

Наконец, примерами ограниченного влияния на партийную систему Франции служат последствия финансового кризиса для правых сил и Брекзит – для левых. По мнению Ж. Ивальди, в обоих случаях партии продемонстрировали высокий уровень сплоченности и идеологического единства, при этом на них в минимально степени воздействовала риторика НФ.

Таким образом, в заключении автор приходит к выводу, что на эволюцию партийных настроений во Франции в наибольшей степени повлиял кризис беженцев. Брекзит, в свою очередь, оказал ограниченное воздействие на левые и правые силы в стране. Электоральные достижения НФ наряду со стратегией партии по политизации европейских проблем привели к изменению поведения и программ других акторов. Кроме того, кризисы нашли отражение в усилении внутрипартийных противоречий по проблемам евроинтеграции (в особенности, пострадала Социалистическая партия), а также обусловили возрастание влияния новых политических игроков, в частности, Ж.Л. Меланшона и Н. Дюпон-Эньяна.

Р.Р. Султанов

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

МАКГОНАГАЛ Т. ПОДДЕЛЬНЫЕ НОВОСТИ: ЛОЖНЫЕ СТРАХИ ИЛИ РЕАЛЬНЫЕ ОПАСЕНИЯ?

MCGONAGLE T. Fake news: False fears or real concerns? // Netherlands quarterly of human rights. – 2017. – Vol. 35, N 4. – P. 203–209.

Ключевые слова: фейк; новости; ложь; СМИ; общество.

Феномен поддельных (фейковых или фальшивых) новостей, т.е. «фейк-ньюс», известен уже не один век. Однако в последние годы, в эпоху интернета, когда всемирная сеть завоевывает все большую аудиторию и новости распространяются благодаря ей особенно быстро, тема «фейк-ньюс» приобрела особую актуальность. Статья Терлах МакГонагал (Институт информационного права, юридический факультет Амстердамского университета, Нидерланды) представляет собой аналитический обзор данной проблемы, включающий в себя: определение предмета исследования, исторический экскурс, описание места фейков в современных СМИ и степени их влияния на современное общество, а также размышления о смысле и целях использования «фейк-ньюс» в СМИ.

Автор статьи дает определение понятию «фейк-ньюс», ссылаясь на Сеть этичной журналистики («Ethical Journalism Network»): « “фейк-ньюс” – это умышленно сфабрикованная информация, распространяемая с целью обмануть и ввести в заблуждение людей, заставив их поверить в ложь или поставить под сомнение подлинные факты»¹ [с. 203]. МакГонагал отмечает, сам термин «фейк-ньюс» («fake news») довольно прост по звучанию и вследствие этой простоты с легкостью превращается дежурное «модное слово» (buzz-word) [с. 203], используемое в самых разных ситуациях. Это создает дополнительные проблемы для определения верности информации и

¹ См.: <http://ethicaljournalismnetwork.org/tag/fake-news> [Accessed: 25.12.2019.]

изучения явления как такового. Автор говорит о важности изучения феномена «фейк-ньюс» и установления четких границ этого понятия (а также смежного понятия – «ложные новости» – «false news»), чтобы установить нормы ответственности за распространение такого рода новостей.

МакГонагал констатирует, что от фейковых новостей в наше время страдают различные международные организации (политические, общественные, научные), а так же отдельные личности: политики, актеры, медиа-персоны и т.д. Он подчеркивает, что в вопросах свободы СМИ чаще всего руководствуются статьей 19 Всеобщей декларации прав человека, (Universal Declaration of Human Rights) принятой в 1948 г. [с. 203]. Эта статья гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений, свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»¹. Законы, принятые в государствах, подписавших декларацию, не могут идти вразрез со статьей 19, однако такое положение вещей создает ситуацию, когда поддельные и ложные новости безнаказанно распространяются и создают проблемы в обществе. В числе прочих, распространяются новости, созданные с преступными целями: отрицания Холокоста, разжигания расовой ненависти и пр. (В качестве примера в статье упоминается американский ультраправый сайт «Breitbart News», основанный в 2007 г. и за время своего существования издавший множество ложных и фейковых новостей).

Автор также обращает внимание читателя на неоднозначную роль сатиры в СМИ. Порой она умышленно используется с целями аналогичными «фейк-ньюс», однако ее разрушительное влияние ретушируется ссылками на то, что сатира сама по себе является формой художественного слова, которое

¹ Всеобщая декларация прав человека ООН от 10.12.1948 г. Ст. 19. Mode of access: <https://undocs.org/ru/A/RES/217%28III%29> [Accessed: 25.12.2019.]

предполагает преувеличение и искажение информации, а также провокацию и агитацию [с. 204].

Зачастую «фейк-ньюс» создаются самими правительствами нарочно, чтобы дискредитировать источники информации в глазах общества и тем самым задуть свободу независимых и критических СМИ, что негласно нарушает свободу слова и статью 19 Всеобщей декларации прав человека. Кроме того, правительства преследуют и другую цель – они используют «фейк-ньюс» как оружие в информационной и идеологической войне в международном масштабе [с. 204].

Отдельные организации неоднократно предпринимали попытки определить маркеры и ввести классификацию поддельных новостей. Одной из них является Европейская Ассоциация в поддержку интересов телезрителей (European Association for Viewers Interests, EAVI), которая выпустила инфографику «По ту сторону “фейк-ньюс” – 10 типов вводящих в заблуждение новостей», фактически разделив понятие «фейк-ньюс» на десять составляющих. К этим десяти типам относятся: пропаганда, кликбейт, проплаченные новости, сатира и обман, погрешность, пристрастное содержание, теория заговора, псевдонаука, дезинформация и фальшивое содержание. Здесь же были перечислены основные цели появления таких новостей: деньги, власть, юмор, забава, азарт или развлечение [с. 203–204].

Остается открытым вопрос, возможно ли ограничить появление и распространение фейковых новостей в СМИ без изменения основополагающего закона (статья 19 Всеобщей декларации прав человека)?

Явление «фейк-ньюс» не ново. Оно существовало во все времена, когда существовала пресса, а «пресса, особенно пристрастная пресса, всегда торговала вразнос предвзятыми мнениями и историями, не подкрепленными достоверными фактами» [с. 204]. МакГонагал приводит в качестве примера несколько наиболее серьезных фейков, появившихся в новостях в последние годы. К ним относится история, известная под названием «PizzaGate». В октябре 2016 г. на WikiLeaks опубликовали переписку председателя

избирательной кампании кандидата в президенты США от Демократической партии Хиллари Клинтон Джона Подесты. Среди писем посетители Reddit обнаружили «секретный код» PizzaGate, якобы созданный политической элитой США для передачи сообщений о сексуальных связях с детьми. В прессе стали муссироваться слухи о том, что команда кандидата в президенты США Хиллари Клинтон управляет бандой педофилов. Анонимный информатор объявил, что собирается заниматься самостоятельным расследованием этого дела, однако юридически значимых доказательств выдвинутых обвинений так и не последовало [с. 203]. Стоит отметить, что «PizzaGate» начался практически одновременно с попытками демократов добиться пересчета голосов в трех штатах и изменить результаты президентских выборов в США. Другим примером является история 2006 г., когда по центральному телевидению Бельгии франкоязычной телекомпанией RTBF было объявлено о разделении страны и независимости Фландрии. Этот инцидент стал известен как «Vive, Vive, Belgium». Сообщение о внезапном разделении страны оказалось фейком, но спровоцировало панику в обществе. Еще одним примером был случай, когда в 2010 г. грузинский проправительственный телеканал Imedi передал сфабрикованный отчет о российском вторжении в Грузию. Фальшивые данные также спровоцировали панику в грузинском обществе и за пределами страны, а в последующие дни породили дебаты на телевидении о сути подобной фальсификации [с. 204].

Как правило, в таких ситуациях возникает стандартный набор вопросов: кто стоит за этими фейками? Кому выгодны эти новости и реакция? Какая цель преследуется роспуском подобных «фейк-нюс»?

В рамках исторического экскурса автор статьи обращает внимание читателей на то, что даже в период холодной войны, когда любая неосторожная, непроверенная или ложная информация могла повлечь за собой катастрофические последствия, в СМИ появлялись «фейк-нюс».

С начала холодной войны и до сих пор «фейк-нюс» остаются проблемой для ООН, поскольку представляются «угрозой дружеским

отношениям между народами и государствами» [с. 204]. Эта формулировка была принята еще в 1948 г., включена в проект Конвенции ООН по свободе информации (Convention on Freedom of Information) и предложена для включения в Международный пакт по гражданским и политическим правам (International Covenant on Civil and Political Rights, ICCPR). Однако проект Конвенции так и не был ратифицирован, а проект пакта вовсе остался не завершенным.

С появлением интернета «фейк-ньюс» приобрели благодатную почву и начали распространяться с еще большим размахом, чем прежде. К тому же, интернет позволяет подавать информацию в массы в самых разных форматах, из которых наиболее популярными являются тексты, фотографии, видео, инфорграфики, мемы, боты, gif-ки, и т.д. [с. 205], и делать это очень быстро. Так, одними из главных «виновников» в распространении поддельных новостей являются интернет-посредники, к которым относятся компании, представляющие поисковые системы, и социальные сети. В октябре 2017 г. в Германии был принят закон об ответственности за публикации в социальных сетях (Act to Improve Enforcement of the Law in Social Networks – NetzDG), который принуждает операторов социальных сетей быстро реагировать на жалобы, подаваемые со стороны пользователей сетей, и контролировать появление различной незаконной информации (в том числе поддельных новостей). Однако этот закон был подвергнут критике и воспринят как нарушающий свободу слова [с. 205]. В данном вопросе не остался в стороне и Европейский суд по правам человека, который напомнил, что у государств есть обязательство, в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека (European Convention on Human Rights, ECHR), создавать благоприятные условия для участия в общественных дебатах всем, т.е. гарантировать свободу мнений, поддержку независимых СМИ, а также организаций, которые проверяют данные на наличие фактологических ошибок. Кроме того, государствам следует предотвращать чрезмерную концентрацию прав собственности в СМИ и увеличивать

прозрачность этих прав. Только при претворении этих принципов в жизнь людям станет проще оценивать качество подаваемой в СМИ информации, ее происхождение и уместность.

Третий раздел статьи посвящен размышлениям автора о способах снизить степень искажения информации СМИ при ее передаче. Европейский суд по правам человека заявлял о необходимости участия в публичных дебатах всех создателей информации (включая блогеров, академиков, разоблачителей, членов гражданских общественных организаций) и особенно журналистов, поскольку именно они имеют наибольшие возможности для распространения информации и таким образом могут способствовать формированию общественного мнения. МакГонагал отмечает, что в СМИ правдивым аргументом может быть фактологический материал, однако он не гарантирует чистоту оценок и мнений: факты и мнения — разные вещи [с. 206].

Основной вывод автора статьи звучит следующим образом: «все те, кто осуществляют право на свободу выражения, имеют определенные обязанности и несут за это ответственность, но объем этих обязанностей варьируется в зависимости от контекста. Журналисты и СМИ не должны пересекать определенные границы, в особенности в отношении репутации и прав других» [с. 207]. Журналистам стоит обрабатывать информацию добросовестно, хоть здесь нельзя избежать ошибок, поскольку не всегда возможно иметь полную информацию по интересующей теме.

В завершение статьи автор выступает в защиту журналистов. Он обращает внимание читателей на то, что в наше время, когда термин «фейк-ньюс» стал весьма распространенным, журналистов часто обвиняют в создании подобных новостей, хотя они не всегда являются действительными виновниками. В «фейк-ньюс» могут быть заинтересованы многие видные персоны, например политики (министры, даже премьер-министры и президенты), которые, используя этот термин, стремятся подорвать доверие общества к журналистам, отдельным агентствам или СМИ в целом. Одним из

самых видных борцов со СМИ выступает Дональд Трамп, который продолжает дискредитировать СМИ уже долгое время. «Такое словесное насилие над журналистами и СМИ — очень опасный путь для любого демократического общества», утверждает МакГонагал [с. 208].

Очевидно, что проблема «фейк-ньюс» актуальна в наше время и в контексте развития интернета еще долго не утратит своей остроты. Тем не менее пока не сложилось даже единообразной трактовки этого термина. Проблема фейков остается предметом изучения и проблемой, ожидающей своего решения, для многих международных организаций, как Совет Европы, Европейский союз и ОБСЕ.

Е.В. Терешонкова

ФРЕЙРЕ М.Р. И МЕНДЕС К.А. РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ИМИДЖЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА?

FREIRE M.R, MENDES C.A. Realpolitik dynamics and image construction in the Russia-China relationship: Forging a strategic partnership? // Journal of current Chinese affairs. – 2009. – Vol. 38, N 2. – P. 27–52.

Ключевые слова: Китай; Россия; Шанхайская организация сотрудничества; стратегическое сотрудничество.

В настоящей статье Мария Ракель Фрейре и Кармен Амадо Мендес (Школа экономики, Университет Коимбры, Португалия) пытаются определить, насыщены ли современные российско-китайские отношения стратегического партнерства реальным содержанием или же политическая риторика главенствует над политическими обязательствами.

В первой части работы авторы анализируют особенности внутренней и внешней политики двух стран, способствующие или препятствующие развитию стратегического партнерства. Вторая часть статьи посвящена истории развития российско-китайских отношений, которая в описании М.Р. Фрейре и К.А. Мендес предстает примером сложной дихотомия

сотрудничества / соперничества двух держав. В третьей, заключительной части оценивается уровень российско-китайского взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Авторы полагают, что отношения Китайской Народной Республики со своими соседями выстраиваются на основе прагматического видения, которое связано с новым направлением внешней политики страны. В докладе Академии общественных наук КНР «Модернизация Китая – 2008» было заявлено, что Китай претворяет в жизнь стратегический замысел «голубя мира» в международной политике. Схематически стратегию «голубя мира» можно представить следующим образом: «тело» «голубя» – Ассоциация азиатских стран (Азиатская ассоциация, еще не учреждена), восточное «крыло» – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), западное – Азиатско-Европейское экономическое сотрудничество (АЕЭС – плод эволюции Форума «Азия – Европа» / АСЕМ), хвост «на юге» составляют Южная Америка, Африка и Океания; ООН служит «головой» «голубя». В документе говорится, что китайская стратегия международной модернизации призвана «повысить возможности Китая в области осуществления международной модернизации, улучшить внешние условия для этого». Главными целями стратегии обозначаются: следование законам, укрепление мира, выполнение Устава ООН, повышение роли азиатских государств, способствование межрегиональному мировому экономическому сотрудничеству. Стратегия «голубя мира», по мнению М.Р. Фрейре и К.А. Мендес, отражает намерение Китая не допустить становление России в качестве регионального лидера в ущерб официальному Пекину, тем самым показывая прагматичное отношение Поднебесной к российско-китайскому партнерству.

Применительно к Российской Федерации авторы заявляют о стремлении официальной Москвы к более активной роли на международной арене. Также отмечается, что политика России в отношении Азии базируется на прагматизме. Это доказывается тем, что во внешней политике России

азиатское направление становится все более актуальным и происходит «поворот на Восток» с целью сдерживания западного присутствия в регионе, а также для уравновешивания влияния Китая. Именно поэтому М.Р. Фрейре и К.А. Мендес утверждают, что между Москвой и Пекином сложился особый вид союзничества, управление отношениями в рамках которого преследует двойную цель: самоусиление и сдерживание партнера [с. 29–33].

С точки зрения авторов, даже в моменты исключительного сближения России и Китая, основой потепления отношений служило не взаимное доверие, а ситуативное совпадение оценок сложившейся на международной арене обстановки. Российско-китайское сотрудничество в определенной степени стимулируется рядом негативных (с точки зрения Москвы и Пекина) тенденций международного развития, которые в последние годы особенно активно поощряются Вашингтоном. Это нашло отражение и в «Большом договоре», подписанном Президентом России Владимиром Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином в июле 2001 г.. М.Р. Фрейре и К.А. Мендес полагают, что отношения между Пекином и Москвой, на самом деле являются *негативным* стратегическим партнерством, так в их основе лежит ориентация на сдерживание других стран, в частности, США.

Ещё одним значимым фактором потепления российско-китайских отношений выступает торговля энергетическими ресурсами, но авторы обращают наше внимание на несбалансированный характер двусторонней торговли. Топливо и нефть остаются крупнейшей статьёй российского экспорта в КНР. Структура же китайского экспорта более диверсифицирована и более стабильна.

Важной детерминантой сближения РФ и КНР служит культурная сфера, углубляющая социальное измерение российско-китайского стратегического партнерства.

Отмечая присутствие в российско-китайских отношениях элемента конкуренции за региональное лидерство, авторы подчеркивают, что обе страны стремятся к многополярности. При этом позиция России и Китая по

отношению к США, долгое время «наслаждавшихся» «одиначеством сверхдержавы», не является враждебной.

Подводя итог второму разделу статьи, авторы говорят о хрупкости того баланса сотрудничества и соперничества, что был достигнут к настоящему времени Пекином и Москвой [с. 33–40].

Несмотря на то, что все страны-участницы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) обладают равным статусом, а решение принимаются по принципу консенсуса, остальные члены организации все же с осторожностью относятся к двум лидерам: Китаю и России. Хотя ШОС официально не является альянсом, направленным против американского лидерства, возможность сдерживания США в регионе послужила импульсом к расширению сотрудничества и укреплению данного формата взаимодействия.

При этом несмотря на такие общие цели как противодействие террористической угрозе, поддержание безопасности и усиление своего влияния в Центральной Азии при одновременном сдерживании США, Россия и Китай используют ШОС для решения своих, подчас противоположных задач. В частности, Китай ищет новые рынки сбыта и новые рынки энергоресурсов, Россия же стремится к возвращению позиции лидера в рамках Содружества Независимых Государств. Остальные государства-члены организации видят в ШОС гарантию своего политического выживания [с. 40–43].

В заключение авторы констатируют, что в настоящее время российско-китайские отношения являются наилучшими за всю историю связей между двумя странами. Однако такой уровень дружбы был достигнут не без влияния «угрозы» извне. Мощным импульсом для укрепления двустороннего сотрудничества служит присутствие США в Центральной Азии.

Для Китая стратегическое партнерство с Россией вовсе не означает принципиального отказа от развития отношений с США. Россия же всегда балансировала между Западом и Востоком.

ШОС в стратегическом партнерстве КНР и РФ выполняет особую функцию уравнивания существующей конкуренции двух стран и содействия их сотрудничеству.

Таким образом делают вывод М.Р. Фрейре и К.А. Мендес реальный уровень российско-китайского стратегического партнерства пока еще довольно далек от декларируемого в официальных документах.

Е.В. Шестопалова